

Б 63-10
1609

**СПОРТ-
ДЕТЯМ**

В. ВАСИЛЬЕВ

**ЗДРАВСТВУЙ,
РАКЕТКА**

Б 63-10
1609

**СПОРТ
ДЕТЯМ**

В. ВАСИЛЬЕВ

ЗДРАВСТВУЙ, РАКЕТКА

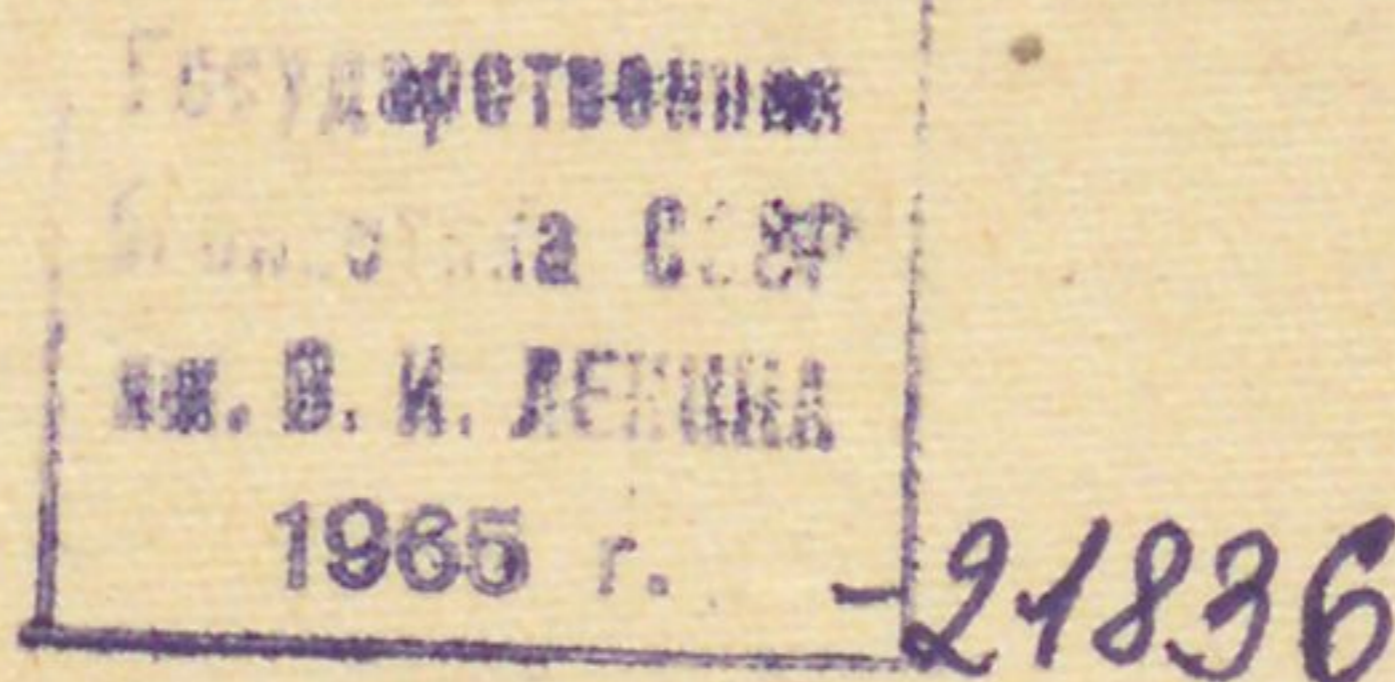

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ»
МОСКВА 1965

7 А.8.4
В19

Эта книга познакомит вас с теннисом — спортом атлетическим, захватывающе интересным и умным. Прочтя книгу, вы узнаете, что теннис, эта увлекательная игра, доставляющая одинаковое наслаждение и детям, и пожилым людям, выливается в единоборство не только силы, ловкости, выносливости, но и умов, характеров, темпераментов.

Автор рассказывает об игре известных советских и зарубежных мастеров, приводя многочисленные примеры из истории теннисных соревнований. Книга помогает глубже узнать и понять теннис, а значит, и полюбить его.

Виктор Лазаревич Васильев
ЗДРАВСТВУИ, РАКЕТКА

Редактор А. П. Нолле
Художник В. Н. Массина
Художественный редактор Е. М. Галинский
Технический редактор А. А. Доценко
Корректор Л. В. Чернова

Изд. № 2763. Сдано в набор 4/IX 1964 г. Подписано к печати 17/XII 1964 г.
Формат 70×90^{1/16}. Объем 4,5 физ. печ. л., 5,27 усл. печ. л., 4,62 уч.-изд. л.
А08096. Тираж 45 000. Цена 14 коп. Заказ № 656

Издательство «Физкультура и спорт» Государственного комитета Совета Министров СССР по печати. Москва, М. Гнезниковский пер., 3.

Ярославский полиграфкомбинат «Главполиграфпрома» Государственного комитета Совета Министров СССР по печати. Ярославль, ул. Свободы, 97.

2022089374

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Вы хотите познакомиться с теннисной ракеткой? Что ж, вам можно позавидовать: если это знакомство перейдет в дружбу, вас ждет много приятного.

В отличие от некоторых других видов спорта теннисом можно заниматься до глубокой старости. Известны случаи, когда в теннис играли восьмидесятилетние старцы.

Начинать занятия теннисом можно в самом юном возрасте. В своей книжке «Молодежи о теннисе» мастер Евгений Корбут рассказывает о таком случае. Однажды на теннисную площадку пришли записываться несколько мальчиков. Инструктор направил их сначала к врачу. Когда тот проверял у ребят зрение, выяснилось, что один из мальчиков не может назвать даже самую большую букву в таблице. Нет, как оказалось, с глазами у него было все в порядке, просто ему было шесть лет, и букв он еще не знал!

Конечно, играть в шесть лет еще рановато, но в восемь-девять вполне уже можно приступать к занятиям. Видите, какой диапазон — восемь и восемьдесят. А ведь и дети, и взрослые играют в теннис с одинаковым азартом!

Почему же теннис сохраняет свою привлекательность для всех возрастов? Потому, что это не только красивая, атлетическая игра, но еще и очень умная, тонкая, заставляющая спортсмена мыслить. Теннисное состязание — это и поединок умов, характеров, темпераментов. Вот почему каждый человек отыскивает в этом многогранном виде спорта что-то такое, что отвечает его настроением, вкусам, привычкам. И если в юности теннисисту нравилось, скажем, ударить по мячу изо всей силы, то в зрелом возрасте он находит особенное удовольствие уже в том, чтобы выиграть очко тихим обманным ударом или с помощью какого-нибудь другого хитрого тактического маневра.

Но счастье никогда не бывает полным, и, прежде чем вы захотите взять в руки ракетку, я должен предостеречь вас. Подумайте, хватит ли у вас характера, чтобы выучиться теннису. Дело в том, что тен-

нис — довольно сложный для изучения вид спорта. Чтобы научиться сносно играть, нужно несколько лет регулярно заниматься. Впрочем, тех, кому теннис нравится, это не пугает.

Итак, теннис труден для изучения, но зато уже одни лишь тренировки, не говоря о соревнованиях, помогают не только развивать чисто физические качества, такие, как силу, выносливость, ловкость, прыгучесть и т. д., но и воспитывают выдержку, терпение, силу воли.

Если предостережение насчет трудности изучения тенниса не испугало вас, можете начинать знакомство с ракеткой. Но, чтобы разобраться в описании теннисных состязаний, вам надо запомнить правила игры и основные удары и приемы. Те, кто уже хоть немного знакомы с теннисом, могут эти страницы пропустить и сразу перейти к следующей главе.

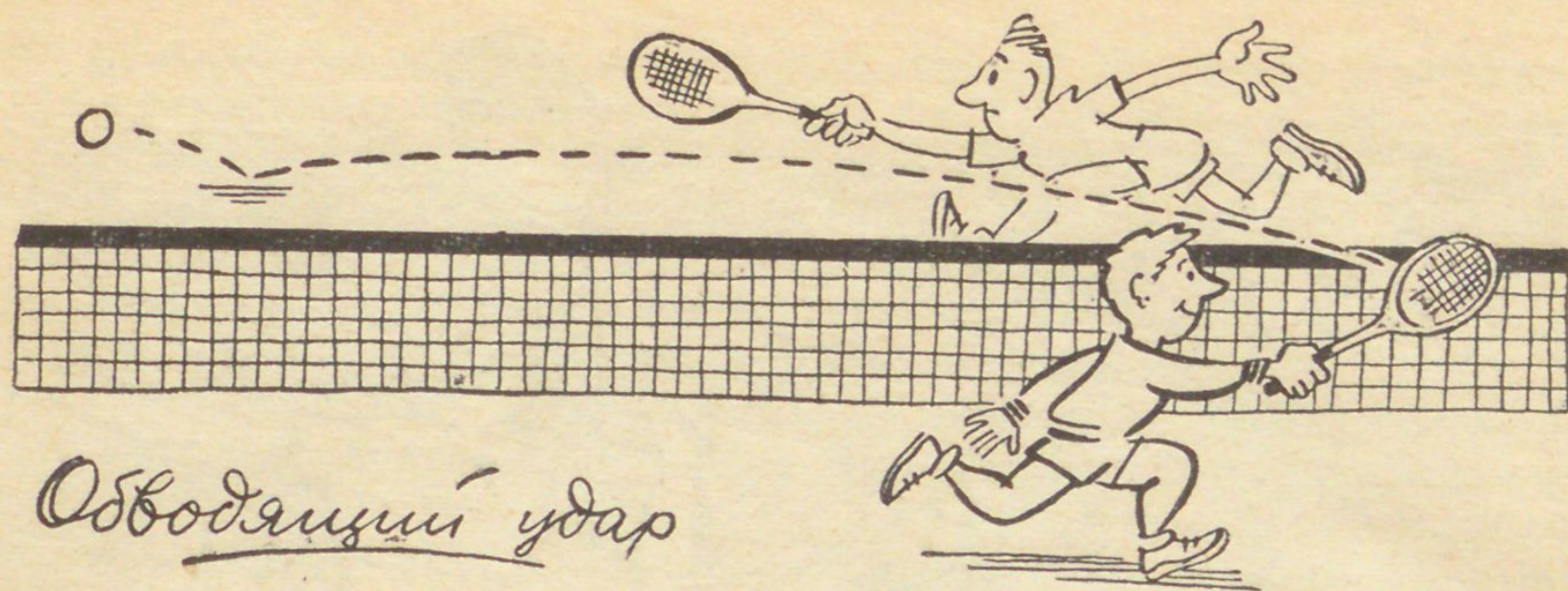
* *
*

В теннис играют небольшим резиновым мячом, обтянутым сукном. В игре участвуют либо двое, либо четверо спортсменов. Площадка, или, как ее еще называют, корт, разделена пополам сеткой. Находясь на противоположных сторонах корта, игроки с помощью ракетки посылают мяч через сетку таким образом, чтобы он упал в пределах площадки. Если мяч уходит за пределы площадки — в аут — или ударяется в сетку и падает на стороне ударившего, это означает проигрыш очка.

Мяч вводится в игру особым ударом — подачей. Подающий, стоя за задней линией, с правой стороны, должен послать мяч не просто на сторону противника, но непременно в левое поле подачи. Если первая попытка не удалась, он повторяет подачу.

Принимая подачу, теннисист должен дать мячу удариться о землю и потом отбить его в любое место площадки подающего. С этого момента партнеры получают право отбивать мячи и после того, как они ударятся о землю, и до этого, настигая их еще в полете. Так продолжается до тех пор, пока один из играющих не выиграет очко. Это происходит в том случае, когда его соперник ударит в сетку, или пошлет мяч за пределы площадки, либо вовсе не сумеет настичь мяч и выполнить удар.

После этого мяч снова вводится в игру тем же способом, но подающий становится уже не с правой, а с левой стороны корта и подает по диагонали в правое поле подачи. Когда «гейм», или «игра», заканчивается, подавать начинает другой теннисист. Когда один из соперников выиграет шесть геймов, это означает, что он выиграл «сэт», или «партию» (перевес должен быть не менее чем в два гейма. При счете, например, 6 : 5 игра продолжается до счета 7 : 5). В зависимости от ус-

Обводящий удар

ловий соревнований теннисисту надо выиграть два или три сэта. Соревнования юных теннисистов разыгрываются из трех сэтов, то есть для победы достаточно выиграть два сэта.

Чтобы не путать счет в каждом гейме со счетом геймов в сете, применяется особый способ подсчета очков. Вот как это происходит.

Подающий выиграл первое очко — счет стал 15 : 0 в его пользу. Затем он выиграл еще одно очко, и перевес удвоился — 30 : 0. Розыгрыш третьего очка принес удачу противнику — 30 : 15. Затем принимающий подачу выиграл еще очко, и счет стал 30 : 30. Пятое очко выиграл подающий. Теперь к счету прибавилось не 15, а 10 — 40 : 30. Шестое очко тоже выиграл подающий, что принесло ему выигрыш гейма. Если бы это очко выиграл принимающий подачу, то счет стал бы «ровно». Затем, в зависимости от того, кто выиграл очко, счет стал бы «больше» или «меньше». Если при счете «больше» подающий выигрывает следующее очко, он выигрывает гейм. Если же он очко теряет, то опять становится «ровно» и т. д. Система счета выглядит для новичка запутанной, в действительности же она проста и легко усваивается каждым.

Теперь нам осталось познакомиться с основными ударами. Мяч, отскочивший от земли, игрок отбивает «ударом справа» или «ударом слева». Настигнув мяч ракеткой прежде, чем тот ударился о землю, игрок применил «удар с лёта». Если игрок бьет над собой по высоко летящему мячу, то это будет «удар над головой», или «смеш». «Подрезая» ракеткой мяч и, стало быть, уменьшая длину его полета, игрок выполняет «укороченный удар». Часто теннисисты пользуются «свечой» — ударом, после которого мяч высоко взлетает над кортом. Кроме этих ударов, встречается множество других — навесной, косой, удар по линии и т. д., которые представляют собой варианты основных ударов.

Вот теперь, когда вы осведомлены о важнейших приемах и терминах тенниса, можете начинать знакомство с ракеткой.

ТЕННИС — ИГРА АТЛЕТОВ

Надо вам сказать, что у тенниса очень богатая родословная. Еще в древнем Риме существовала игра, в которой партнеры перекидывали мяч ладонями. В средние века игра эта с некоторыми изменениями распространилась в Италии, Франции, Англии и других странах.

Уже дальние предки тенниса имели аристократические привычки. Во Франции, например, в XIV веке в игру, похожую на теннис, играла только знать.

Создателем современного тенниса принято считать англичанина Винкфильда. В 1874 году он соединил существовавшие в то время разновидности этой игры в одну и придумал правила. Названа была эта новая игра не теннисом, а «сферистикой».

Очень быстро сферистика завоевала популярность, а уже со следующего года игра получила название «лаун-теннис». Лаун — по-английски газон. В Англии и некоторых других странах площадки

для игры в теннис имели травяной покров. И сейчас Уимблдонский турнир — личное первенство мира — проводится на травяных кортах.

Правила игры, размеры площадки и высота сетки были затем изменены. Кроме того, резиновый мяч, которым прежде играли, начали обшивать фланелью. Все это способствовало быстрому прогрессу техники игры, а затем и тактики. Теннис завоевал в Англии популярность и стал распространяться в других странах.

Первый турнир в Уимблдоне — пригороде Лондона — состоялся в 1877 году. Победителями этих состязаний неизменно становились англичане. Но вот в 1907 году победу в мужском разряде одержал представитель Австралии, в женском — первое место заняла американская теннисистка, а в парном разряде — теннисисты Австралии и Новой Зеландии. С этих пор гегемония английских теннисистов кончилась и Уимблдонский турнир стал фактически чемпионатом мира.

В России теннис появился в конце семидесятых годов. Долгое время теннис в России был спортом только привилегированных слоев общества. Лишь после Октябрьской революции теннис, как и все другие виды спорта, стал достоянием народа.

После этой небольшой исторической справки легче будет понять, почему на фотографиях довоенного времени теннисисты играют непременно в белых брюках. Даже на самые ответственные матчи спортсмены выходили в этой красивой, но не очень-то удобной одежде. Нам сейчас даже немного странно видеть спортсменов в брюках, но в ту пору выходить на корт в трусах считалось чуть ли не нарушением правил приличия. Только в конце тридцатых годов брюки уступили место трусам.

Почему же брюки так долго не хотели сдаваться? Ведь совершенно очевидно, что в трусах вести спортивный поединок намного удобнее. Но вы уже знаете, что в теннис поначалу играли люди обеспеченные, из привилегированных сословий, стремившихся отделиться от простого люда. В капиталистических странах и сейчас среди теннисистов мало рабочих — для них это слишком дорогое удовольствие. Белый костюм как бы подчеркивал аристократический, «благородный» характер этой спортивной игры.

Постепенно, однако, теннис утрачивает свой надменный дух, становится демократичнее, завоевывает популярность в широких кругах любителей спорта. Рядом со спортивной формой, скажем, футболистов или баскетболистов белые брюки теннисистов выглядят уже старомодными.

Однако сила традиции такова, что теннисисты долго еще, наверное, не расстались бы с привычной одеждой. И сейчас еще можно изредка видеть любителей тенниса, играющих в брюках даже в жаркую погоду. Но с годами сам теннис как спорт настолько изменился, на-

столько окреп и возмужал, что, вопреки известному выражению, вырос из своих длинных брюк и облачился в легкие и удобные короткие штанишки, то есть трусы.

Нынешний теннис — это подлинно атлетическая, темповая игра, требующая выносливости, отличной тренированности, силы, ловкости, быстроты. Само собой понятно, что длинные брюки мешали бы современному теннисисту — примерно так же, как бегуну или прыгуну.

Нет ли тут преувеличения? Нисколько! Во время одного ответственного матча было подсчитано, что теннисист пробежал на корте в общей сложности около 40 километров, то есть примерно столько, сколько пробегает участник марафонского бега!

История тенниса знает немало случаев, когда борьба надолго затягивалась, требуя от соперников огромного напряжения физических сил. В 1918 году на одном крупном турнире состоялся матч между японцем Кашио и французом Дионном. Соперники играли четыре часа и вынуждены были прервать поединок из-за темноты. В конце концов победил более выносливый Кашио. Любопытно, что для розыгрыша одного очка спортсменам потребовалось ударить по мячу 128 раз! Впрочем, и это не рекорд. Итальянка Валерио и англичанка Саттерсвейт ударяли по мячу, разыгрывая одно очко, более двухсот раз! Конечно, это случаи исключительные, в современном теннисе с его стремительным темпом очко разыгрывается обычно в несколько ударов, но стремительность, быстрый темп, резкие выходы к сетке ставят перед теннисистами еще более трудные задачи, чем долгая и монотонная перекидка мяча.

Однажды, уже в наше время, парная встреча очень сильных теннисистов продолжалась ни много ни мало более семи часов! Участник этого матча Панчо Гонзалес, один из сильнейших теннисистов мира, рассказывал: «После этой игры я несколько дней чувствовал себя так, будто на мне неделю возили воду».

Надо вам сказать, что этот самый Гонзалес был в свои лучшие годы изумительным атлетом. Он старался непрерывно атаковать соперника, и его удары, особенно подача, отличались необычайной мощностью. Чтобы вести такую игру, Гонзалес усиленно занимался боксом, баскетболом и играл в американский футбол. Известный советский футболист Лев Корчебоков, выступавший в предвоенные годы в сборной команде страны, был и незаурядным теннисистом. Вспоминая свои футбольные и теннисные состязания, он, например, считает, что теннисный матч из пяти сетов ему было труднее выдержать, чем напряженную футбольную встречу.

В поединке равных противников часто побеждает тот, кто умеет бороться за каждый мяч, бороться до последнего удара. Некоторые теннисисты предпочитают иную тактику. Они не стараются достать

трудный мяч, объясняя это тем, что надо беречь силы. Действительно, надо стараться экономить силы. Действительно, бывают мячи, догнать которые просто невозможно. Но так ли много этих мячей? Не случается ли, что в категорию «безнадежных» попадают мячи, которые спортсмен при энергичном усилии мог бы настичь и отбить?

На одном из международных турниров в Москве выступали бельгиец Жак Бришан и француз Робер Айе. Эти теннисисты настолько быстро передвигались по корту, что умудрялись доставать мяч, на который другие спортсмены наверняка махнули бы рукой. Принимая труднейший мяч, Бришан и Айе не только выигрывали очки, но и демонстрировали несокрушимую волю, упорство, выносливость, что оказывало на их соперников большое психологическое воздействие.

Итак, «безнадежных мячей» очень мало, практически их почти нет. Но для того чтобы принять такую точку зрения и отстаивать ее, надо обязательно быть разносторонним атлетом. Разумеется, это не так просто. Как-то эквадорцу Панчо Сегуре, считавшемуся в ту пору одним из сильнейших в мире теннисистов-профессионалов, задали вопрос — в состоянии ли он сыграть матч из пяти сэтов, борясь за каждый мяч? Сегура ответил так:

— Мне сейчас тридцать шесть лет, и, хотя я хорошо тренирован физически, я могу выдержать только два сэта, выкладываясь в борьбе за каждый мяч...

Гонзалес был отнюдь не единственным теннисистом, который включал бокс в систему своей подготовки. Американец Джек Крамер, например, когда теннис был для него не бизнесом, а спортом (потом он стал хозяином профессиональной труппы теннисистов), тоже перед ответственными матчами проводил боксерскую подготовку.

Это пристрастие к боксу не случайно. По мнению крупнейших спортивных авторитетов, теннис по степени физического напряжения требует примерно такой же подготовленности, как и бокс.

Теннисист поставлен в необычные и очень сложные условия уже самими правилами игры. Смотрите сами. Футболист во время самого напряженного матча всегда имеет возможность передохнуть, прийти в себя. Хоккеист почти все время движется на площадке, но его, как и скажем, баскетболиста, тренеры то и дело посылают на скамью запасных. Волейболистов заменяют реже, но сфера их действий ограничена сравнительно небольшой площадью. Хоккеисты играют час, если считать «чистое время», а баскетболисты и того меньше. Наконец, все они играют не больше одного матча в день, часто с перерывами в два-три дня.

А теннисисты? Они находятся на площадке в продолжение всего матча, без замены. У них нет возможности отдохнуть за счет партнера даже в парной встрече, где обоим игрокам приходится все время быст-

ро двигаться по площадке. Наконец, теннисные матчи длятся иной раз по два-три часа, а то и дольше, причем играть приходится не только ежедневно, но иногда и по нескольку раз в день.

Именно так случилось однажды с заслуженным мастером спорта Николаем Озеровым, когда ему пришлось в один день провести три финальных матча чемпионата страны — в одиночном, смешанном (вместе с партнершей) и парном разрядах. В тот день он провел на кортах в общей сложности около восьми часов! А в другой раз он и вовсе чуть было не оказался вынужденным прекратить борьбу. Это произошло в Киеве во время командных состязаний на первенство страны. Командные встречи отличаются, как правило, особой напряженностью, так как от исхода почти каждого поединка зависит успех всех. А тут это происходило в финале первенства, да к тому же против Озерова, возглавлявшего команду московского «Спартака», выступал его постоянный и довольно удачливый соперник — ленинградский динамовец Эдуард Негребецкий.

Это был талантливый теннисист, обладавший яркой и неповторимой спортивной индивидуальностью. Еще в тридцатые годы, когда многие теннисисты предпочитали спокойную, часто однообразную игру ударами с задней линии, Негребецкий, опережая свое время, стремился при первой возможности выбежать к сетке и закончить розыгрыш очка ударом с лёта. Он играл в быстрейшем темпе, подавляя сопротивление противников мощнейшими ударами, парировать которые иной раз было просто невозможно.

В этом поединке перевес был сначала на стороне тактически очень изворотливого Озерова. Действуя более гибко и разнообразно, Озеров без особого труда выиграл первый сэт со счетом 6 : 3 и на всех парах шел к победе во втором сете. Ничто, казалось, не могло изменить течение борьбы. Но с Негребецким никогда нельзя было угадать, когда в нем заговорит вдохновение. Сумев напярчь волю, он неожиданно перестал ошибаться и заиграл вдруг с таким искусством, что отнял у ошеломленного Озерова одиннадцать геймов подряд! Одиннадцать геймов!

Негребецкий выиграл второй сэт, выиграл третий и, возможно, выиграл бы по инерции и четвертый, но после третьего сета объявляется перерыв.

Увы, и после десятиминутной паузы дела Озерова были не блестящи. Правда, четвертый сэт ему удалось выиграть, но в пятом, последнем, Негребецкий был опять впереди — он вел со счетом 5 : 3 и в девятом гейме на подаче Озерова имел 30 : 15 в свою пользу. Надо вам сказать, что состязание происходило в яркий солнечный день, было необычайно жарко, и оба спортсмена вели борьбу, что называется, на нервах, из последних сил.

И Озеров не выдержал! Подав мяч, он вдруг почувствовал, что теряет опору, колени его согнулись, и он опустился на корт, потеряв на секунду сознание. Он тут же очнулся, ему вылили на голову графин с водой, и — что вы думаете — борьба продолжалась как ни в чем не бывало. Озеров сумел спасти этот гейм, а затем и выиграть сэт, а с ним и весь матч. Видите, какого огромного физического напряжения требует иногда теннисное состязание!

Любопытно, что не кто иной, как Негребецкий, сам о том не ведая, помог Озерову стать теннисистом высокого класса. Однажды, в 1935 году, двенадцатилетний Коля Озеров наблюдал на кортах ЦДСА за игрой Негребецкого с Виктором Мультино. Негребецкий был тогда в ударе, навязал своему противнику ураганный темп и прямо-таки растерзал его пушечными ударами с лёта.

Эффектная игра Негребецкого произвела на мальчика огромное впечатление. Случилось так, что Коля Озеров в этот вечер заболел, его лихорадило, поднялась температура. Ночью ему приснился странный сон: Эдуард Негребецкий, гигантского роста, со страшно сверкавшими глазами, с невероятной силой бил по мячу и валил своими ударами высоченные стены, которые с грохотом обрушивались возле него...

На следующий год Коле Озерову выпала честь подавать мячи сильнейшим теннисистам страны. Я пишу «выпала честь» без всякой иронии. Это совсем не просто — подавать мячи быстро, не мешая спортсмену, не отвлекая его внимания, не заставляя нервничать в ожидании мяча. Обычно на ответственные матчи ставят самых расторопных и сообразительных ребят.

Озеров мечтал играть так же сильно и красиво, как Негребецкий. И он старался, чтобы его ставили на ответственный пост именно там, где играл его кумир. Он кидал мячи так, что тому не приходилось делать лишнего шага. Мальчику было приятно, что Негребецкий, который был намного старше, говорил с ним, в знак благодарности, как с равным, без обидной снисходительности.

Коля Озеров во время выполнения своих обязанностей не тратил времени зря. Наблюдая за игрой Негребецкого, он все время мысленно ставил себя в положение его соперника, решал для себя, как бы он парировал тот или иной удар. Постепенно он так изучил Негребецкого, что по положению корпуса, плеч безошибочно угадывал направление удара. И когда спустя некоторое время он вновь оказался вместе с Негребецким на корте, но уже совсем в иной роли, он играл с ним в самом первом матче так, как будто это был его старый, досконально изученный противник.

Этот пример очень хорошо показывает, как полезно юным теннисистам подавать мячи мастерам, находясь в непосредственной близо-

сти от схватки и подмечая все нюансы, все оттенки борьбы, часто ускользающие от внимания зрителей на трибунах.

— Я всячески советую начинающим теннисистам подавать мячи, — говорит заслуженный мастер спорта Николай Озеров. — Это очень полезно, это помогает развивать в себе так называемое тактическое мышление, глубже разбираться в сложной стратегии теннисного единоборства. При условии, конечно, что вы будете на корте думать, а не просто выполнять техническую работу...

Итак, теннисный матч, проходящий, как правило, в быстром темпе, требует от спортсменов, особенно высокого класса, неутомимости, физической силы, ловкости, резкости, быстроты. Все эти качества не даются от природы, их нужно долго и терпеливо развивать и воспитывать в себе. Даже самый одаренный спортсмен должен неутомимо работать, иначе его ждут неминуемые огорчения.

Во время теннисного турнира на III Дружеских играх молодежи и студентов в Москве гостил бывший чемпион мира по теннису (а, кстати, и по настольному теннису — редчайший случай в истории спорта!) англичанин Фред

Перри. Он внимательно наблюдал за игрой молодых советских теннисистов, которые до той поры мало выступали в международных состязаниях и не имели еще необходимого турнирного опыта.

После состязаний Перри высказал много поучительных замечаний об игре наших теннисистов и о теннисе вообще. Любопытно, что главным условием совершенствования теннисиста Перри назвал труд. «Теннис — это удовольствие, если хочешь поиграть с приятелями, и колоссальный труд, если надеешься стать чемпионом, — сказал он. — ...Главное все-таки — это труд, упорный труд!»

Слова прославленного теннисиста, конечно, не откровение. Наши тренеры не устают внушать своим ученикам, что только упорный труд позволяет рассчитывать на большие успехи. Но далеко не все

теннисисты, особенно молодые, прислушиваются к этим советам. Юности, которая ощущает в себе избыток сил, часто кажется, что она в состоянии своротить горы. И только с опытом, порой после горьких разочарований, приходит, наконец, сознание того, как правильна простая, но бесконечно мудрая поговорка, утверждающая, что без труда не вытащишь и рыбку из пруда...

Итак, Перри, бесспорно, прав. Но его слова требуют некоторого дополнения. Да, теннис как спорт — это колоссальный труд, но не нужно думать, что этот труд не доставляет спортсмену удовольствия. Наверное, и сам Перри так не думает, хотя его слова можно понять именно таким образом. Нет, теннисные тренировки, как и всякое физическое упражнение, безусловно, доставляют удовольствие, хотя, конечно, и несколько иное, чем две-три легкие партии с товарищем. И все же нельзя отрицать, что некоторые занятия, особенно по развитию силы, выносливости, менее увлекательны, чем разучивание на корте того или иного удара. Но ведь и самое полезное лекарство бывает иногда не очень-то сладким.

Надо помнить, что усталость, недостаточная тренированность во все не всегда заявляют о себе открыто, так сказать, во весь голос. Опытным теннисистам известно, что вот иногда, казалось, ничего в ходе борьбы не изменилось, удары получаются так же хорошо, а счет вдруг стал расти в пользу противника. Что за напасть такая? А ничего загадочного тут нет — просто теннисист не выдержал напряжения, устал, и вот чуть-чуть замедлилась реакция, на самую малость уменьшилась точность ударов, потерял ничтожную долю резкости, рывок. Но все это вместе взятое и дало противнику мало заметный, но вполне реальный перевес. Теннисисты, особенно мастера этой игры, прекрасно понимают, как важна физическая подготовленность. Тому, кто хочет добиться в теннисе настоящих достижений, совершенно необходимо заниматься атлетической подготовкой. Не случайно сильнейшие теннисисты отводят в своих тренировках много времени и усилий развитию атлетических качеств.

Один из крупнейших теннисистов нашего времени австралиец Лью Хоад рассказывает, например, что независимо от обычной тренировки, теннисной и общефизической, он ежедневно, утром и вечером, тренируется в беге. Каждый раз он пробегает километра полтора-два, причем утром делает около 30 рывков, вечером — около 40. Эти пробежки стали для него такой же органической потребностью, как утоление голода. Если Хоаду почему-то не удастся поупражняться в беге, он теряет в игре уверенность, хуже, чем обычно, передвигается по корту. Кстати сказать, в технической школе, где он учился, Хоад был чемпионом в беге, лучше всех играл в футбол и дальше всех бросал мяч.

Очень много занимался физической подготовкой и другой замечательный австралийский теннисист Фрэнк Седжмен. В отличие от Хоада, который уже в детстве был крепышом, Седжмен был узкогрудым юношей с отнюдь не сильной мускулатурой и вовсе не отличавшийся выносливостью. Но он так страстно хотел добиться успехов в теннисе, что сумел превратиться в настоящего атлета. Седжмен занимался бегом, прыжками, упражнениями со штангой и в конце концов настолько физически окреп и развился, что ему стала доступна самая мощная и темповая игра.

Известно, что австралийские теннисисты по праву считаются сильнейшими в мире. Один из лучших советских тренеров Эвальд Крее, воспитавший выдающегося теннисиста Тоомаса Лейуса, в беседах с иностранными специалистами старался выяснить, в чем секрет успеха австралийцев. Фред Перри ответил на этот вопрос без раздумья: «Они бегают по два часа в день».

Наши теннисисты, даже когда они стали чаще встречаться с сильными зарубежными спортсменами, не сразу поняли, как важна всесторонняя физическая подготовка. В этом смысле очень полезным оказался теннисный турнир III Дружеских игр молодежи, проходивший в Москве в 1957 году.

Среди гостей, выступавших в турнире, было несколько очень сильных теннисистов: индеец Кумар, австралиец Хоу, чех Яворски, австриец Хубер. В то время наши спортсмены явно уступали по силе теннисистам такого класса, поэтому игра гостей вызывала острый интерес. Особенно много зрителей привлекали матчи с участием Альфреда Хубера, ставшего в конце концов победителем турнира.

Чем манила зрителей игра австрийского теннисиста? На этот вопрос трудно ответить одной фразой.

Некоторые ходили глядеть на всевозможные «штучки» Хубера. Дело в том, что австриец совершенно откровенно играл «на публику». Он смешно жестикулировал, гримасничал, иногда просто паясничал, что производило временами неприятное впечатление. Хотя Хубер, казалось бы, прямо не мешал противнику, его поведение на корте было все-таки некорректным, неспортивным. Дело в том, что Хубер невольно (а скорее всего сознательно) отвлекал своего соперника, мешал ему сосредоточиться, а иногда и просто злил.

Но главное в игре Хубера было все же не в его «штучках», не в клоунаде, а в необычайном разнообразии технических приемов и в мужественном — хочется сказать именно так — атлетизме. В самом деле, нужно было обладать не только изумительной реакцией, не только завидной резкостью, не только неутомимостью, но и мужеством, чтобы так самоотверженно, не жалеючи себя, стремглав кидаться за самыми безнадежными, самыми «мертвыми» мячами. И еще нужна

была, конечно, отличная тренированность, чтобы после падения на бок, на грудь или даже на спину успеть молниеносно вскочить и тут же опять помчаться за мячом.

Говорили, что Хубер потому так умело «вытаскивал» трудные мячи, что играл вратарем сборной команды Австрии по хоккею. Но, может быть, дело обстояло как раз наоборот: Хубер потому столь умело защищал хоккейные ворота, что получал такую «богатую практику» в теннисе? Вернее же всего секрет атлетической игры Хубера скрывается в его всесторонней физической подготовленности.

Хубер порой применял настоящие акробатические трюки, и это уже не для развлечения публики, не для смеха, а всерьез, для выигрыва очка. В те дни в спортивной прессе было опубликовано несколько снимков, на которых Хубер был запечатлен горизонтально летящим в воздухе и отбивающим трудный мяч. Иногда он делал прыжок в сторону и, опираясь о грунт одной рукой, успешно отбивал мяч.

Я сознательно пишу «одной», а не «левой» рукой, так как Хубер владел очень уверенным ударом и левой рукой, а иногда, даже при выполнении ударов над головой, держал ракетку двумя руками.

Разносторонняя техника в сочетании с атлетическими качествами позволяла Хуберу иной раз выполнять такие приемы, которые оказывались совершенно неожиданными для противника. Догоняя, например, в стремительном беге свечу и видя, что повернуться лицом к сетке он, наверное, не успеет, Хубер бил по мячу сверху вниз ударом через себя, стоя лицом к задней линии и спиной к сетке. Пусть этот прием не всегда достигал цели и Хубер иной раз терпел урон, зато этот и другие подобные удары постоянно держали противника «в страхе», заставляя все время находиться в состоянии нервного напряжения, в томительном ожидании подвоха, нападения «из-за угла».

Удивил Хубер и своим умением бить смеш левой рукой. Нужно, конечно, иметь сильную и хорошо натренированную левую руку, чтобы в неудобной для удара правой рукой позиции переложить ракетку в другую руку и нанести сильный удар над головой, да еще в прыжке. Такие удары тоже оказывались большей частью неожиданными и не только приносили очки, но оказывали на противника большое психологическое воздействие.

Хубер — далеко не единственный пример достижения большого мастерства в теннисе и одновременно в другом виде спорта, в данном случае — в хоккее. Известно немало сильных теннисистов, которые благодаря всесторонней физической подготовленности весьма успешно выступали в иных видах спорта. Английский теннисист Парк, например, прославился игрой в регби, был одним из лучших игроков национальной сборной; выдающийся мастер тенниса австралиец Мак-Грегор входил в сборную своей страны по футболу; бельгиец Бришан,

блеснувший на одном из московских турниров искусной, подлинно атлетической игрой, считался одним из сильнейших баскетболистов своей страны. Перуанец Алек Альмеда достиг такого успеха в акробатике, что, играя в теннис, при перемене сторон не переходил на другую сторону корта, а перелетал через сетку с помощью сальто!

У нас настоящую атлетическую игру показывал в послевоенные годы замечательный спортсмен Зденек Зигмунд, погибший совсем молодым в авиационной катастрофе. Зигмунд подобно Хуберу тоже хорошо играл в хоккей, а также в футбол. В теннисном состязании он нередко совершал акробатические прыжки, умел пролететь «ласточкой» вдоль сетки и спасти труднейший мяч.

Зигмунд в те годы был, пожалуй, лучшим в стране игроком в парном разряде. Благодаря своим атлетическим данным, он контролировал в парной игре три четверти площадки, значительно облегчая тем самым задачу партнера.

Зигмунд играл в паре с Озеровым, отличным футболистом, который в то время выступал в клубных командах московского «Спартака», а иногда даже в дублирующем составе прославленной команды мастеров этого общества. Эта пара была очень дружной, сыгранной, партнеры понимали один другого, что называется, с полуслова. Играя очень агрессивно, остро, в атлетической манере, они старались как можно скорее выйти к сетке и подавить сопротивление противников мощной игрой с лёта. В течение шести лет эта пара была непобедима на чемпионатах страны, и, если бы не трагическая смерть Зигмунда, они, наверное, долго еще царили бы на кортах.

Обратите внимание, какими играми увлекаются теннисисты: регби, хоккеем, футболом — то есть самыми атлетическими видами спорта, в которых разрешены определенные силовые приемы, где, особенно в регби и хоккее, от спортсмена требуется отвага, большая физическая сила и выносливость. Все эти качества, хотя, конечно, и в несколько иной форме, нужны и в теннисе. И если в век белых брюк этого еще не понимали, то сейчас никого не надо убеждать в том, что теннис — это игра атлетов.

Впрочем, еще пять-шесть лет назад такую точку зрения надо было отстаивать. Некоторые наши молодые спортсмены, не очень любившие трудиться и рассчитывавшие выехать на одном таланте, пытались поначалу обойтись без атлетической подготовки. Но жизнь преподавала им много горьких уроков и заставила сделать все необходимые выводы.

Киевская теннисистка Валерия Титова, победительница теннисного турнира I Спартакиады народов СССР, выступала в 1958 году в международных состязаниях в Бухаресте. Ее противницей оказалась венгерская спортсменка Бардоци, безусловно уступавшая Титовой в

классе игры. И все же победила в этой встрече слабейшая. Бардоци часто применяла укороченные удары, и медлительная в ту пору Титова то и дело опаздывала к мячу, который опускался у самой сетки и очень низко отскакивал. Такую же тактику и тоже с успехом использовала в финале чемпионата СССР 1955 года Лариса Преображенская. С трудом догоняя укороченные мячи, Титова утомилась и стала допускать частые ошибки при выполнении не только сложных, но и простых ударов.

В дальнейшем Титова усиленно тренировалась в беге, прыжках, развивала в себе выносливость и в результате стала куда более подвижной на корте.

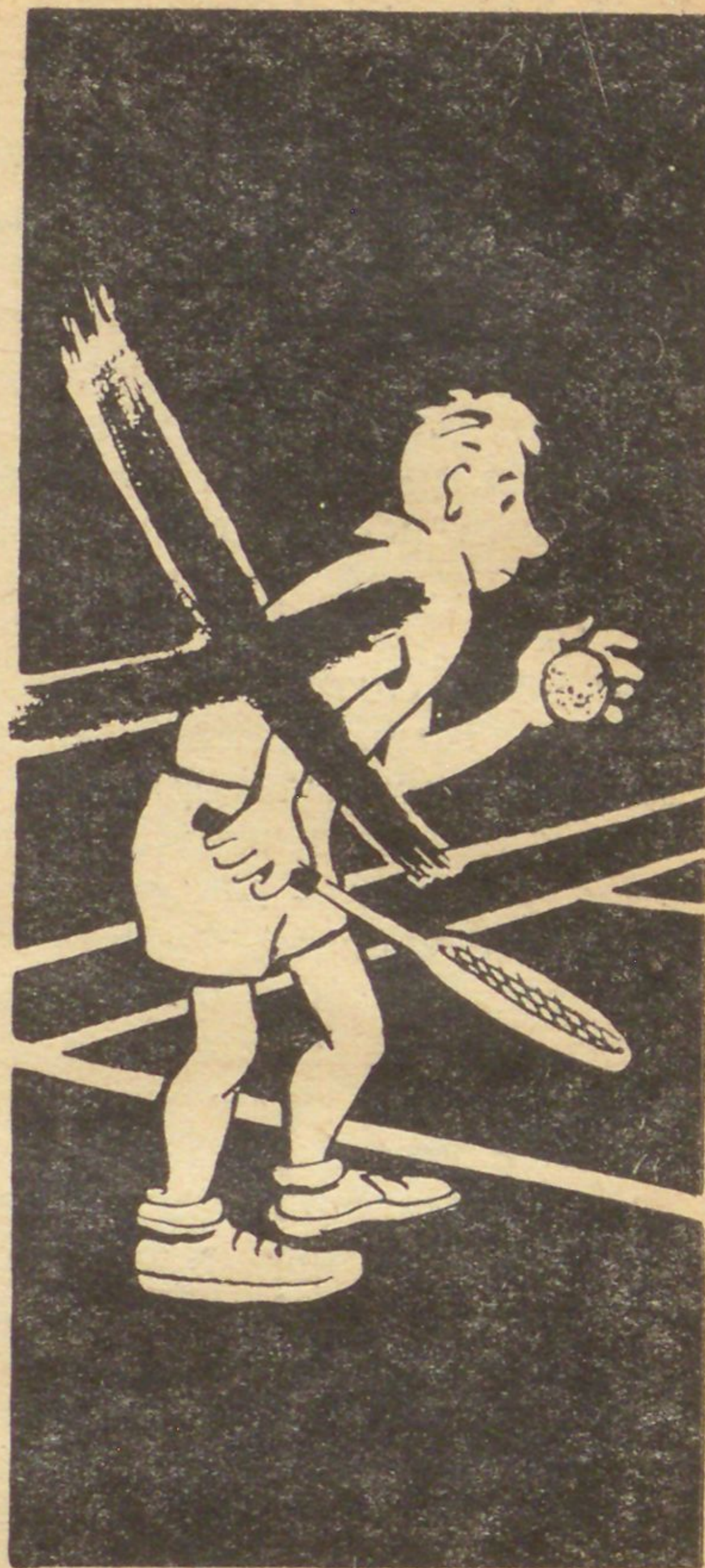
На своем опыте убедилась в пользе всесторонней физической подготовленности и замечательная советская теннисистка Анна Дмитриева. Еще в детские годы Дмитриева, начав заниматься теннисом у опытного тренера и неоднократно чемпионки страны Нины Сергеевны Тепляковой, обнаружила незаурядные способности. Дмитриева быстро совершенствовалась, и вскоре о ней стали говорить, как о восходящей звезде нашего тенниса.

Девушка обещала, казалось, оправдать самые лучшие надежды. В 1957 году она, будучи еще школьницей, довольно удачно выступила в турнире III Дружеских игр молодежи. Она, правда, проиграла чехословацкой теннисистке Вере Пужейёвой, но ее соперница имела уже большой опыт, обладала настоящим мастерством, и рассчитывать на победу Дмитриева в то время просто не могла.

После матча я беседовал с Аней Дмитриевой. Это было первое в жизни интервью юной спортсменки.

— Мне еще нужно многому учиться и много трудиться, — сказала она тогда.

Прошло несколько лет. Анна Дмитриева, овладев новым для наших теннисисток атакующим стилем игры, стала чемпионкой СССР. Она играла в очень энергичной манере, смело и уверенно пользова-

лась ударами с лёта, при первой возможности выбегала к сетке и преграждала там путь мячу. Одним словом, все шло как нельзя лучше.

Но вот в феврале 1960 года в Москве проходит международный турнир. Чемпионка страны выступает в этом ответственном состязании крайне неудачно и не занимает призового места. В чем дело? Может быть, Дмитриева стала хуже выполнять удары? Или избирала неверную тактику? Нет, причина была в другом.

Молодая спортсменка стала несколько пренебрегать режимом питания и просто располнела. В матче с Ириной Рязановой Дмитриева тяжело передвигалась по корту, учащенно дышала. Весь ее вид показывал, что ей трудно играть в темпе, с которым легко освоилась соперница. Специалисты тенниса грустно качали головой, наблюдая за тем, как Дмитриева томится на корте.

— Какой талант пропадает! — сказал в сердцах один из тренеров, и многие, наверное, в то время думали так же.

К счастью, этот знаток тенниса ошибся! К радости (и, прямо скажем, к удивлению) любителей тенниса Анна Дмитриева сумела справиться с угрозой, перед которой спасовала не одна известная спортсменка. Проявив незаурядное упорство и выдержку, молодая теннисистка стала заниматься легкой атлетикой, выполнять гимнастические упражнения, даже трудилась со штангой. Она соблюдала к тому же строгий режим питания, не позволяя себе прикасаться к сладостям, до которых большая охотница. В результате она сбросила мешавшие ей десять килограммов веса и снова превратилась в стройную и гибкую девушку, какой ее прежде видели на корте.

Дмитриева теперь не только выдерживала быстрый темп, но и вообще стала намного лучше играть. Ведь от физической подготовленности зависит не только состояние спортсмена, но и его уверенность в себе, собранность, воля к победе, смелость и решительность в игре. Сейчас Дмитриева, бесспорно, наша сильнейшая теннисистка. Она одержала серьезные победы и в международных состязаниях, в том числе в Уимблдонском турнире в Англии, а также в открытом первенстве Соединенных Штатов Америки.

Разносторонняя физическая подготовленность позволяет спортсмену не только вести борьбу в энергичном стиле и быстром темпе, но и чувствовать себя свободно и непринужденно в тактической и психологической борьбе, которая всегда незримо ведется на корте обоими противниками.

О Николае Озерове, даже в его молодые годы, говаривали, что он быстро утомляется и не выдерживает напряженного длительного единоборства. Сам спортсмен отнюдь не опровергал этого мнения. Больше того, он во время матчей всем своим видом даже как бы открыто де-

монстрировал вялость и утомление. Но это было ничем иным, как тонким психологическим ходом, рассчитанным на то, чтобы дезориентировать противника, заставить его поверить, что Озеров, как иногда говорят спортсмены, «наелся» и его можно уже брать голыми руками.

На самом же деле Озеров всегда был готов «добавить» темп, усилить игру, что он и делал в решающий момент. Застигнутый врасплох этим неожиданным натиском «измотанного» Озерова, его соперник часто терялся и вынужден был признать себя побежденным.

О том, как в действительности был физически подготовлен Озеров, можно судить хотя бы по его матчам с Негребецким. Это были три, а иногда и четыре часа непрерывных атак, в ходе которых оба соперника не давали друг другу ни секунды передышки!

Очень серьезно относился к физической подготовке другой выдающийся советский теннисист Сергей Андреев, шестикратный чемпион СССР. Фанатически преданный теннису, Андреев всегда, не только на корте, но и дома, оставался спортсменом. Он совершенно не пил, даже в самых торжественных случаях, не курил, был умерен в еде. Он так же строго и пунктуально придерживается своих правил и сейчас, когда перешел на тренерскую работу. Спортсмен с головы до ног, Андреев служит прекрасным примером для молодых теннисистов.

Отдавая много времени и сил физической подготовке, Андреев сумел надолго продлить пору своего расцвета. Последний раз он оказался победителем всесоюзных зимних соревнований в 1960 году, когда ему было уже 37 лет — возраст для спортсмена довольно зрелый. Причем в этих соревнованиях Андреев превосходил своих куда более молодых противников не только опытом, тактической мудростью — это было вполне естественно, но и неутомимостью, выносливостью, умением вести борьбу за каждый мяч.

Образцом атлетизма может служить игра победителя теннисного турнира III Спартакиады народов СССР Тоомаса Лейуса. Далеко не сразу тренеру Крее удалось развить в Лейусе атлетические качества. Юный Лейус отличался очень техничной, но, как говорят теннисисты, «мягкой» игрой, он почти не покидал заднюю линию, его ударам не хватало мощи, резкости. В итоге, несмотря на свое бесспорное дарование, Лейус выступал довольно неудачно и терпел обидные поражения от менее искусных, но более агрессивных и активных соперников. Разобравшись в причинах неудач своего питомца, Крее понял, что Лейусу не хватает прежде всего всесторонней физической подготовленности.

«И вот после каждой тренировочной игры, — пишет Крее, — Лейус тут же в зале не менее часа занимался общеразвивающими упражнениями, используя средства гимнастики, легкой и тяжелой атлетики.

У нас в зале можно пробегать по прямой до 25 метров, к услугам

теннисистов — гимнастическая лестница, конь, перекладина, набивные мячи, несложные приспособления для развития и измерения прыгучести, скакалки, обычные и облегченные штанги. Пользуясь этим инвентарем (а он, как мне кажется, доступен теннисистам в любом городе), Лейус систематически развивал в себе атлетические качества. При этом основной упор был сделан на силовую подготовку, на самые различные упражнения со штангой.

Такой сдвиг в уровне физической подготовленности должен был как-то отразиться на игре молодого теннисиста... Лейус стал сильнее подавать, а сильная подача как бы открыла ему дверь для более активной игры. Кроме всего прочего, Тоомас много и регулярно играл в баскетбол, участвуя в школьных соревнованиях».

Как видите, Лейус изрядно потрудился. И ему не пришлось жалеть об этом. Потому что в первом же турнире, состоявшемся после того, как молодой теннисист перестроил свои тренировки, ему удалось занять первое место. Этим турниром были Всесоюзные зимние соревнования 1959 года.

И все-таки даже Лейусу, как и другим нашим сильнейшим мастерам, в сравнении с лучшими зарубежными теннисистами все еще не хватает некоторых атлетических качеств, прежде всего мощи игры и выносливости. Как правило, в труднейших поединках с сильными иностранными спортсменами наши игроки в четвертом-пятом сэтах начинают сдавать.

Так было, к примеру, в матче розыгрыша Кубка Дэвиса, когда наша команда выступала против опытной и очень сильной команды Италии. Встречаясь с итальянцами Пьетранжели и Гардини, и Тоомас Лейус, и Сергей Лихачев вели полноценную борьбу только в первых трех сэтах, а потом они уже не могли действовать на большой скорости, в их игре явно проявлялись признаки усталости, что приводило к частым ошибкам.

Надо ли каждому молодому теннисисту обязательно развивать в себе атлетические качества, ежедневно трудиться, стараясь стать таким же сильным, выносливым и ловким, как лучшие теннисисты мира? На этот вопрос я отвечу уже знакомыми вам словами Перри: «Теннис — это удовольствие, если хочешь поиграть с приятелями, и колоссальный труд, если надеешься стать чемпионом».

В зависимости от того, чего вы ждете от тенниса, — только удовольствия или еще и спортивных достижений — и надо решать для себя эту задачу. Впрочем, быть всесторонне физически развитым — это само по себе прекрасно, не правда ли?..

Все это очень хорошо, можете сказать вы, но не мешает ли труд на теннисном корте ученью в школе, в институте, наконец, труду на заводе, в учреждении? Ведь цель каждого молодого человека — это

сначала приобрести знания, освоить любимую профессию, а уж потом добиться успехов в спорте.

Беспокойство закономерное, но, к счастью, излишнее. Теннис помогает спортсменам воспитывать волю, помогает стать людьми организованными, собранными, умеющими правильно распределять свое время. Вот почему именно у сильнейших теннисистов, регулярно и помногу тренирующихся, всегда хватает времени на учебу, на работу и на спорт.

Лучшая советская теннисистка Анна Дмитриева учится, к примеру, на филологическом факультете Московского государственного университета. Она изучает языки, любит и знает поэзию. В 1964 году Дмитриева участвовала в международном турнире в Алжире. После окончания соревнований победительницу турнира пригласили выступить на собрании общества алжиро-советской дружбы. Дмитриева свободно, без заготовленного текста рассказала на французском языке о развитии тенниса в Советском Союзе.

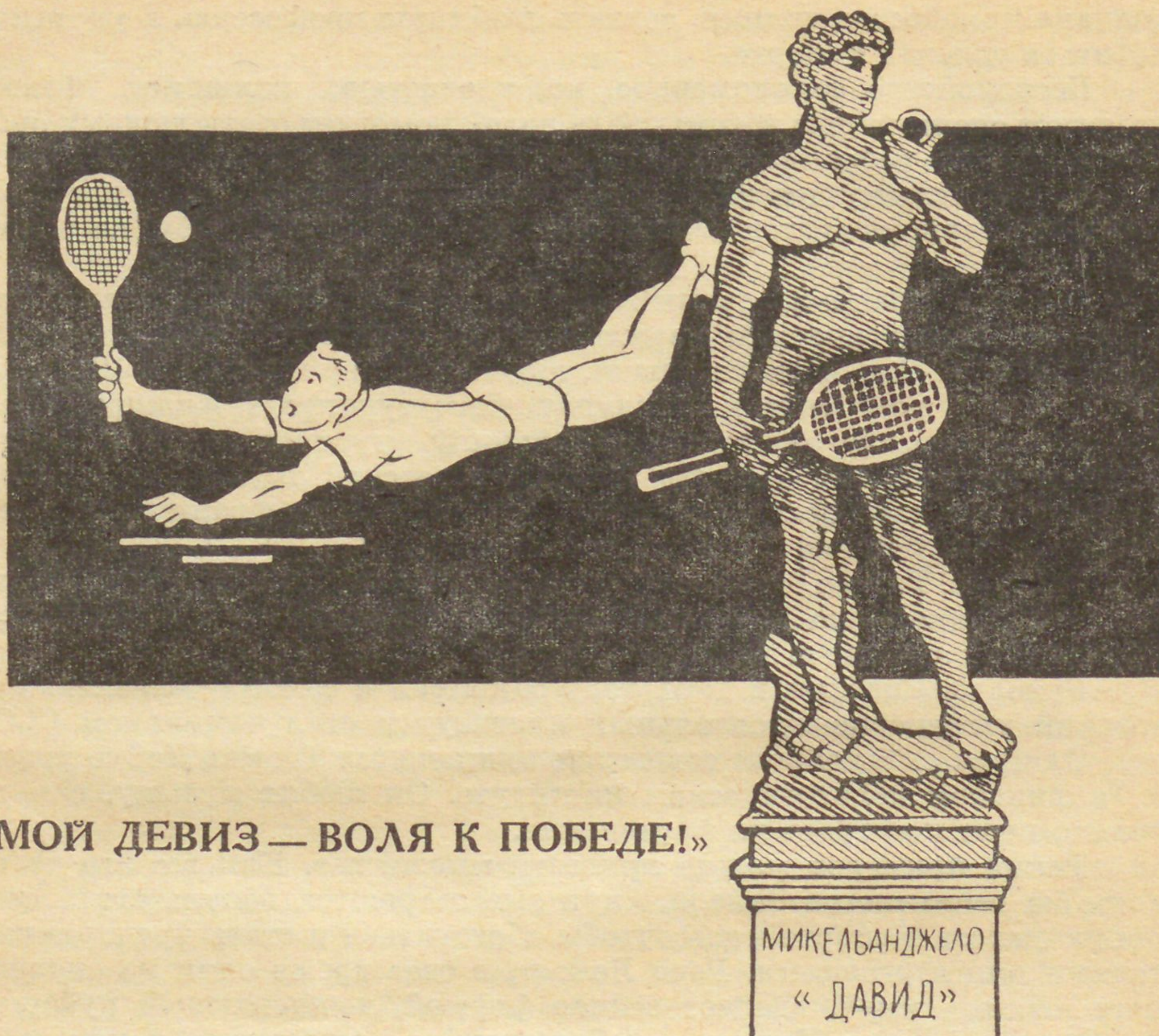
Валерия Титова, неоднократная чемпионка страны, тоже филолог — она закончила Киевский университет и работает в библиотеке Украинской академии наук.

Рудольф Сивохин в 1961 году закончил с золотой медалью Ростовский инженерно-строительный институт и стал чемпионом СССР.

Один из сильнейших советских теннисистов Тоомас Лейус учится в Таллинском педагогическом институте. Он любит музыку, сам довольно неплохо играет на фортепьяно.

Таких примеров можно привести множество. Как все это не похоже на теннисистов Запада, которые стараются использовать свою популярность в спорте с тем, чтобы обогатиться и стать предпринимателями или торговцами. Ренэ Лакост, в свое время один из сильнейших игроков мира, владеет сейчас фирмой, выпускающей рубашки. Американец Джек Крамер, добивавшийся выдающихся успехов в теннисе, содержал долгое время профессиональную труппу теннисистов, а сейчас торгует лошадьми. Одаренный теннисист из ФРГ Вильгельм Бунгерт накопил денег и открыл галантерейное предприятие.

Как видите, все эти люди тоже отличаются целеустремленностью. Но как все это не похоже на цели, жизненные задачи советских теннисистов...

«МОЙ ДЕВИЗ — ВОЛЯ К ПОБЕДЕ!»

Чемпионат страны 1962 года проходил в Риге. Я находился на турнире в качестве специального корреспондента газеты «Советский спорт». Однажды вечером я встретил возле гостиницы мастера Святослава Мирзу. Он был в синем тренировочном костюме.

— Завтра играю с Юшкой, — сказал он. — Надо пойти побегать.

Я понимающе кивнул. Ян Юшка — молодой, но уже довольно крепкий теннисист, и к встрече с ним надо было серьезно готовиться. Но хотя Мирза и провел дополнительную тренировку, к встрече с Юшкой он оказался не готов.

Это был не совсем обычный поединок: встретились два левши. Редко встречающаяся ситуация поставила перед обоими сложную за-

дачу, причем казалось, что искушенный в турнирных схватках Мирза сумеет быстрее взять правильный курс. Но случилось как раз наоборот.

Юшка принадлежит к не очень распространенному типу теннисистов, у которых нет ярко выраженных сильных и слабых сторон. Он чувствует себя как рыба в воде на задней линии, но владеет и надежным и точно нацеленным смешем. Он очень упрям в защите, цепко борется за каждый мяч, но, как только позволяет ситуация, тут же контратакует. Словом, задача Мирзы была не из легких, так как нащупать уязвимое место в игре соперника оказалось не так-то просто.

Поначалу можно было думать, что Мирза, обычно уверенно действующий у сетки, избрал острый, атакующий план, что было, очевидно, самым правильным. В первом гейме он трижды выходил вперед, очень удачно выбирая место, но два раза после его ударов мяч попадал в сетку, а один раз улетел в аут. В начале борьбы такие осечки случаются сплошь да рядом, но Мирза вдруг решил, что игра у сетки у него не пошла, и оттянулся назад.

Начиная примерно с середины первого сэта и вплоть до розыгрыша последнего очка Мирза оставался верен пассивной стратегии. Сидевший рядом со мной друг и партнер Мирзы по парной игре Борис Боровский шептал: «Вперед! Вперед! Ну, пошел же!» Но даже когда обстоятельства прямо-таки толкали Мирзу к сетке, он продолжал отсиживаться в глубоком тылу, теряя гейм за геймом.

Поведение опытного мастера выглядело прямо-таки загадкой. Действительно, когда спортсмен действует в своей обычной манере и, терпя бедствие, не находит в себе сил сломать привычный порядок игры, это еще можно понять. Но когда бывалый боец, играя не в своем стиле, не в силах в нужный момент свернуть в удобную колею, — это уже свидетельствует о полной растерянности.

Что же случилось? Ответ на этот вопрос дал сам Мирза после матча. Оказывается, его вывели из равновесия зрители, которые шумно болели за Юшку. На первый взгляд причина почти уважительная — действительно, не очень приятно, когда зрители открыто симпатизируют твоему противнику, тут есть отчего испортиться настроению. Но человека мало-мальски знакомого с теннисом объяснение Мирзы совершенно не удовлетворит.

Разве опытному мастеру не было ясно, что рижане будут всячески поддерживать своего молодого, симпатичного и очень приятно играющего земляка (тем более что, победив в этом матче, Юшка станет мастером спорта)? Не подготовив себя к таким эмоциям зрителей, позволив себе во время игры реагировать на реплики зрителей, раздражаться тем, что публика благоволит противнику, Мирза нарушил одну из важнейших заповедей тенниса.

Будь внимателен и собран! — гласит эта заповедь. Сосредоточь все свои помыслы только на игре. Забудь во время матча обо всем, что не связано с происходящей борьбой.

Сильнейшие теннисисты мира, мастера экстра-класса, как принято их называть, играют так сосредоточенно, словно решают в уме сложнейшую математическую задачу. Они не позволяют себе огорчаться по поводу совершенной ошибки, не качают укоризненно головой, когда им кажется, что судья допустил оплошность, не прислушиваются к голосу трибун, потому что они прекрасно понимают, как все это мешает игре, мешает анализировать ход борьбы, намечать новые тактические задачи.

Собранность, сосредоточенность, внимательность нужны, конечно, и в волейболе, хоккее, футболе и т. д., но в теннисе эти качества более важны, чем в любом другом виде спорта, кроме, разве, настольного тенниса. Специалисты прямо говорят, что рассеянный, несобранный человек никогда не сможет добиться в теннисе сколько-нибудь заметных успехов.

«Чтобы определить лучшую тактику и правильно применять ее, надо во что бы то ни стало оставаться спокой-

ным, — писал много лет назад Ренэ Лакост. — Самый верный способ сохранить спокойствие — не обращать ни на что внимания, смотреть только на мяч, на противника и на площадку, ни к чему не прислушиваться, кроме ударов ракет и счета, произносимого судьей, одним словом, сосредоточить все свое внимание на матче. Надо забыть даже о присутствии зрителей». Если эти слова были справедливы несколько десятков лет назад, то сейчас, когда темп игры резко возрос, заповедь «Будь внимателен!» становится одной из самых важных.

Внимание и сосредоточенность нужны теннисисту прежде всего для того, чтобы держать под непрерывным наблюдением мяч. Не спускайте глаз с мяча! — без этого призыва не обходится ни один учебник, ни одно методическое пособие по теннису. И эти призывы не случай-

ны: как установлено, примерно две трети ошибок в игре происходят оттого, что теннисист в момент удара перестает смотреть на мяч.

Некоторые малоопытные теннисисты пытаются в момент удара смотреть не на мяч, а на то место площадки, куда они собираются послать мяч. Обращаясь к таким игрокам, Вильям Тильден, неоднократно чемпион мира, в свое время писал: «Запомните следующее: площадка всегда одного и того же размера, сетка — той же высоты и по отношению к вам всегда в том же положении, так что совершенно нет никакой необходимости каждую минуту посматривать на все это, чтобы убедиться, не сдвинулось ли что-нибудь с места. Только землетрясение может изменить их положение...»

В своей книге «Молодежи о теннисе» мастер спорта Евгений Корбут пишет: «Чемпионы прошлых лет Н. Теплякова и Б. Новиков, обладавшие точной игрой, с успехом выступали на многочисленных состязаниях в течение целого ряда лет в значительной степени благодаря умению сосредоточиться на игре и умению внимательно следить за мячом до самого момента удара».

И это действительно так. Неоднократный чемпион СССР Борис Новиков отличался железной выдержкой, необычайным умением полностью подчинить себя игре. Он никогда не обращал внимания на то, за кого болеют трибуны. Очень часто во время матчей с Эдуардом Негребецким, игравшим с блеском, порой очень эффектно, или с Николаем Озеровым, пользовавшимся симпатиями зрителей, Новикову приходилось слышать бурные овации, предназначавшиеся его соперникам. Но на замечательного бойца это не производило впечатления, как, впрочем, и аплодисменты, предназначавшиеся ему самому.

Собранность, сосредоточенность Новикова проявлялись и в его необычайной цепкости, умении драться за каждый мяч. Очко у него можно было взять только с боя, в упорной схватке. На подарки, легкие очки в игре с Новиковым рассчитывать было нечего.

Собранности, выдержке, целеустремленности обязана в большой степени своим успехам и Нина Теплякова. В течение шести лет подряд — с 1934 по 1939 год — замечательная теннисистка владела титулом чемпионки страны, выигрывала все зимние всесоюзные соревнования на закрытых площадках и все свои встречи в четырех международных турнирах. Из двухсот с лишним матчей, в которых выступала Теплякова в те годы, она потерпела поражение только в одном!

Проблема внимания стоит перед каждым теннисистом. Те, кто эту проблему игнорирует, считает ее недостаточно важной, неизменно терпят неудачи. История тенниса знает бесчисленные драматические случаи, которые произошли только потому, что один из участников позволил себе ослабить внимание.

И вот что любопытно: стоит только немного, ну совсем чуть-чуть, отвлечься от матча, от того, что происходит на корте, как теннисиста начинает преследовать цепь несчастий — не одно, а именно цепь, так как одна неудача усугубляет состояние растерянности и влечет за собой другую, еще большую, беду. Совсем по пословице: увяз коготок — всей птичке пропасть.

Рассказывают, например, что однажды, выигрывая матч, один из теннисистов посмотрел на пролетавший над головой самолет. Это был мимолетный взгляд, но он оказался роковым. Потеряв нить игры, чувствуя недовольство собой, этот теннисист никак не мог вернуться к прежнему боевому настроению. Он стал злиться на себя, разнервничался, начал допускать грубые промахи. Матч был проигран...

Игроки, не умеющие сосредоточить свое внимание только на игре, часто становятся жертвой... ошибки судьи. Задача теннисного судьи в наше время, когда мяч с бешеной скоростью мечется по площадке, довольно сложна. Судья только человек, и он может иногда ошибиться. Опытные игроки никак не реагируют на эти, обычно весьма редкие, промахи.

Но встречаются теннисисты, которых неверное или даже спорное решение судьи может вывести из равновесия, мешает целиком сосредоточиться на игре. Такие спортсмены играют хорошо лишь до первой судейской оплошности. Известно множество случаев, когда одна ошибка судьи, действительная или даже мнимая, самым роковым образом влияла на исход борьбы.

В одном из финалов первенства Москвы в конце двадцатых годов встретились постоянные соперники и претенденты на звание чемпиона — Александр Правдин и Евгений Тихонов. В пятом, решающем, сэте Правдин вел 5 : 2, в восьмом гейме — 40 : 15. После сильного косога удара справа Правдин выходит вперед и, перехватив слабую свечу, сильно бьет к задней линии. Мяч попадает в линию и отскакивает далеко в сторону. Победа! Судья на вышке объявляет результат встречи, Тихонов поздравляет своего счастливого соперника.

Но в это время судья на задней линии с некоторым опозданием объявляет, что мяч ударился за линией. Досадно, но ничего не поделаешь, надо продолжать единоборство. В той игровой ситуации потеря одного очка для Правдина ничего не значила. Он потерял, однако, не только очко, но и спокойствие, собранность, внимательность. Его грызла обида. Вместо того, чтобы сосредоточиться на игре, он произносил мысленно гневную речь, обращенную к судье. Чемпионом Москвы стал Тихонов...

А вот другой, сравнительно недавний, случай. Звание чемпионки страны 1962 года оспаривали в финальной встрече Анна Дмитриева и Ирина Ермолова. Поединки этих спортсменок отличаются обычно на-

пряженностью. Поначалу казалось, что и на этот раз борьба будет ожесточенной.

Своими коронными ударами справа Ермолова привязывала соперницу к задней линии, а когда Дмитриева проявляла «непослушание» и рвалась к сетке, уверенно обводила ее. Дмитриева пыталась свечами сбить Ермолову с удара. Но та твердо продолжала держаться избранного курса. В итоге первый сэт остался за Ермоловой — 6 : 4.

Во втором сэте Ермолова тоже была впереди — 3 : 2. Правда, к этому времени Дмитриева уже стала действовать увереннее, острее. Впрочем, трудно сказать, как дальше складывалась бы борьба, окажись Ермолова более собранной и сосредоточенной. Но тут произошел случай, после которого игра пошла, что называется, в одни ворота.

Ермоловой показалось, что судья в какой-то момент допустил ошибку. Может быть, так оно и было — судьи, повторяю, не застрахованы от ошибок. Неожиданно промах судьи так подействовал на спортсменку, что она тут же следом допустила несколько непростительных оплошностей.

Теперь уже инициатива полностью принадлежала Дмитриевой. Ермолова была настолько деморализована, что не смогла выиграть ни одного гейма ни в этом сэте, ни в следующем. А ведь началась эта катастрофа с того, что она потеряла из-за ошибки судьи всего-навсего одно очко!

Хорошо известно, что спортсмены, не умеющие сосредоточиться на игре, особенно в решающие моменты поединка, часто упускают победу или, если дела их идут плохо, не умеют изменить ход событий, перехватить инициативу и безропотно покоряются своей участи. Оправдывая свою пассивность, они обычно говорят, что матч был безнадежен.

Но история тенниса убедительно доказывает, что безнадежных матчей нет! При любом счете проигрывающий не должен терять надежды на спасение, тем более что его противник, уверенный, что дело сделано, часто ослабляет нажим, начинает играть спустя рукава.

Описан случай, который произошел в одном английском турнире. Некто Альдерсон проиграл в финале турнира два сэта со счетом 0 : 6, 0 : 6 и в третьем проигрывал 0 : 5 и 15 : 40 на подаче противника. Казалось бы, спасения нет, не правда ли? Но представьте себе, что, не упав духом, Альдерсон выиграл этот матч! Конечно, тут потребовалась помощь противника, который, как видно, сначала полностью уверовал в свою победу, а потом, когда она несколько отсрочилась, совершенно растерялся.

Умение сохранить самообладание, быть сосредоточенным и внимательным до конца поединка зависит, конечно, от силы воли спорт-

смена, от твердости его характера, выдержки. Все это качества, с которыми не рождаются, которые надо годами воспитывать в себе. «Напрасно думают, — говорил Лакост, — что спокойствие в теннисе — природное качество. К спокойствию нужно приучаться, его нужно культивировать».

Впрочем, о том, что спокойствие — природное качество, думали только во времена Лакоста. Сейчас каждый спортсмен знает, что самообладание и выдержку надо развивать и тренировать так же, как любой технический прием.

Известно немало довольно опытных теннисистов, которым не хватало только волевых качеств, чтобы добиться значительно больших успехов. В одном состязании, которое проводилось по круговой системе, ленинградский теннисист Павел Майданский сыграл семь матчей (в каждом по пять сэтов) и во всех этих матчах потерпел поражение. Что это значит? Да прежде всего то, что Майданский, раз уж доходило до пятой, решающей, партии, мало в чем уступал своим противникам, но в самый важный, заключительный, момент схватки ему не хватало воли к победе.

Неуверенность в себе, в своих силах часто мешали и одаренной теннисистке Ларисе Преображенской. Любопытно, что во встречах с советскими спортсменками Преображенская проявляла себя настоящим бойцом, упорным, настойчивым. Но стоило ей выйти на корт против иностранной теннисистки, как Преображенская начинала испытывать не свойственную ей робость, нерешительность.

Вот что рассказывает Евгений Корбут о том, как он старался помочь Преображенской избавиться от этого недостатка:

— Часто, беседуя с Преображенской перед соревнованиями, я пытался внушить ей уверенность в ее силах. На тренировках Преображенская играет достаточно свободно, непринужденно, остро и смело. Она может играть так остро и на соревнованиях. Под влиянием бесед Преображенская так и играла в начале матча. Но запала у нее хватает ненадолго. Вдруг в какой-то момент перед нею встает призрак поражения, и она, как улитка, прячется в свою защитную раковину на задней линии. Одних внушений и наставлений, конечно, мало, — подчеркивает сам Корбут. — Игрок должен сам научить себя добиваться победы.

Вот, например, как учил сам себя добиваться победы Николай Озеров. Как вы уже знаете, постоянным и самым опасным соперником Озерова был Эдуард Негребецкий. Они встречались между собой в различных состязаниях, командных и личных, двадцать пять раз. Восемнадцать матчей принесли победу Озерову. Как видите, Негребецкий выиграл лишь семь раз, но случилось так, что это были едва ли не самые важные матчи.

В 1947 году вечные соперники встретились в Ленинграде в финале чемпионата СССР. До этого Озеров выиграл у Негребецкого девять матчей подряд и имел поэтому все основания рассчитывать на успех. Это был, кстати, первый всесоюзный чемпионат, победителям которого вручались золотые медали, поэтому победа была особенно желанной.

Сначала Озеров завладел инициативой и быстро ушел вперед в счете. Но тут Негребецкий, как это с ним случалось в периоды вдохновения, заиграл с необычайным блеском. Особенно хорошо удавалось ему мощнейшая подача, после которой он устремлялся к сетке и беспощадно расстреливал в упор все ответные мячи, тем более что после приема такой подачи они не были трудными. Негребецкий догнал Озерова, а затем перегнал его и выиграл партию.

Примерно та же картина повторилась и во втором сэте. Негребецкому снова пришлось наверстывать упущенное, и он снова отлично справился со своей задачей. Озеров, который сам любил и стремился атаковать, был отогнан на заднюю линию и обречен на пассивную роль защитника, что было особенно обидно.

Что вы думаете — и в третьем сэте Озеров сначала оказался впереди — 4 : 1, и опять Негребецкий с помощью блестящих атак перехватывает инициативу и выигрывает третий и уже последний сэт, учинив Озерову такой разгром, какого этому бывалому бойцу еще не приходилось испытывать.

Вот как описывает спортивный журналист Александр Вит состояние, в котором находился Озеров после поражения:

«Когда закончился этот знаменитый матч, в котором Негребецкий показал игру, которую еще никто и никогда у него не видел, и Озеров, поздравив своего противника, ушел в раздевалку, друзья, вошедшие вслед за ним, были потрясены его видом... Он сидел на скамье свинцово-серый, раздавленный катастрофой. Ему что-то говорили, он видел движущиеся губы, слышал какие-то звуки, но ничего не понимал. Ему казалось, что произошло нечто непоправимое, ужасное и непреодолимо тягостное...»

Вит рассказал не все. Озеров недолго сидел на скамье. Победитель еще принимал поздравления земляков, а побежденный спустился к реке (соревнования проходили на кортах «Динамо», расположенных у Невки) и сорок минут в полном одиночестве плавал, дав волю слезам. Да, неоднократный чемпион страны плакал. Он плакал от обиды, от злости на себя, а еще оттого, что страстно, нетерпеливо жаждал реванша, которого, он понимал это, придется долго ждать.

Из Ленинграда Озеров поехал не домой, в Москву, а в Таллин, где проходило открытое первенство Эстонии. Он лелеял тайную надежду, что новый чемпион страны тоже примет участие в турнире и

удастся взять у него реванш. Но Негребецкого в Таллине не оказалось.

Только спустя год встретился Озеров со своим соперником в матче Москва — Ленинград и не дал тому выиграть ни одной партии. Эта победа не принесла Озерову медали, не сделала его чемпионом, но она была одной из приятнейших в его жизни...

Вот так — зло, сердито, пусть и со слезами, но непременно с жаждой реванша должен встречать спортсмен поражение. Тогда неудача будет не расслаблять волю, не вызывать уныние, а, напротив, рождать боевое настроение.

Неудачи обычно действовали на Озерова именно таким образом. Однажды в Москве в товарищеском матче советских и венгерских теннисистов он проиграл Биркашу. Через несколько дней спортсменам обеих стран предстояло вновь встретиться, на этот раз в Ленинграде. Кое-кто, опасаясь, что Озеров деморализован поражением, предлагал поставить против Биркаша другого спортсмена. Но тренер нашей команды Дмитрий Синючков хорошо знал бойцовскую натуру Озерова и дал ему возможность вновь встретиться с Биркашем. И реванш состоялся!

На редкость стойким бойцом был Евгений Кудрявцев, который с 1925 по 1934 год (за исключением 1932 года) носил титул чемпиона СССР. Кудрявцев играл очень красиво и разнообразно, никогда в самых тяжелых ситуациях не теряя присутствия духа. «На протяжении всей моей жизни в теннисе, — написал он однажды, — моим девизом было: «воля к победе!» Благородный девиз, ничего не скажешь.

О том, как отстаивал Кудрявцев право на этот девиз, можно судить по одному из самых драматичных эпизодов в истории чемпионатов страны. Речь идет о полуфинальном матче Кудрявцева с Константином Заржецким в чемпионате СССР 1931 года. Вот как пишет об этом сам ветеран тенниса:

«Проиграв две первые партии, я уже терял и третью со счетом 0 : 5, 15 : 40. Положение казалось безнадежным. Однако я собрал всю волю, мобилизовал все нервные ресурсы. Это принесло внутреннее спокойствие и обострило мое внимание. Волевая собранность и подсказала и дала возможность изменить тактику. Наступил перелом. Третью партию я с трудом, но выиграл со счетом 7 : 5, четвертую — 8 : 6 и уже легко — пятую...»

Воспитанием воли нужно заниматься не только во время соревнований и не только в соревнованиях вообще. Волю, выдержку спортсмен может и должен воспитывать до соревнований, во время тренировочных занятий. Можно быть твердо уверенным в том, что трудолюбивый спортсмен, неукоснительно выполняющий план своих тренировок, не уклоняющийся от «скучных» заданий, вроде игры у стенки,

твердо соблюдающий режим, наверняка окажется стойким, волевым бойцом. Не случайно все без исключения выдающиеся теннисисты — великие труженики.

Вот что говорит о трудолюбии известный советский теннисист Семен Белиц-Гейман: «Освоение техники тенниса наших дней чрезвычайно трудоемко и требует такого же кропотливого труда, как, например, труд музыканта или артиста цирка. Мне невольно вспоминаются слова одного из мастеров сцены: «Если я не упражняюсь один день, то замечаю это только я, отсутствие двухдневных упражнений замечают уже мои товарищи по профессии, а при трехдневном перерыве это становится заметным и зрителям».

Белиц-Гейман рассказывает, какое впечатление произвело на него трудолюбие выдающегося австралийского теннисиста Р. Эмерсона, занимавшего в то время второе место в десятке сильнейших игроков мира. Перед четвертьфинальным матчем на первенство Лондона 1962 года Эмерсон утром полтора часа тренировал отдельные удары. Потом он провел свой матч и после небольшого перерыва снова упражнялся у тренировочной стенки. После этого он сыграл в парной встрече. И каково же было удивление наших теннисистов, когда они увидели, как Эмерсон опять — уже в третий раз! — возобновил тренировку, чтобы устранить некоторые дефекты, замеченные им в своей игре...

Не подумайте, что Эмерсон, хотя его трудолюбие заслуживает восхищения, представляет собой исключительное явление среди теннисистов. Теннис — настолько сложный технический вид спорта, что нерадивому на корте нечего делать. Известен случай, когда теннисист, совершенствовавший свою подачу, выполнял в день более тысячи ударов, причем ударов однообразных, нацеленных в одно и то же место. И, представьте, ему не надоедало!..

Редким трудолюбием, упорством в тренировках отличался Сергей Андреев. В отличие от некоторых своих соперников Андреев не обладал какими-либо особыми природными данными. Тем замечательнее, что он шесть раз становился чемпионом страны.

Но это не все. Примерно до 1957 года наши теннисисты редко встречались с сильными зарубежными игроками. Большинство наших мастеров играло в малоактивном стиле. Андреев, даже в лучшую свою пору, тоже был типичным игроком задней линии. Но вот, уже почти на закате своей спортивной карьеры, он увидел, как энергично и остро играют сильнейшие зарубежные теннисисты. Для него, привыкшего к совсем другой игре, этот стиль казался не только новым, но и неудобным. Но спортивная честность заставила Андреева посмотреть правде в глаза. И он сказал себе: я был не прав, я ошибался.

Андреев поставил себе целью переучиться, изменить свою манеру. Переучиваться трудно даже в юном возрасте, а для зрелого мастера это особенно сложная задача. Он тренировался по два раза в день, использовал каждый свободный час, чтобы поупражняться в ударах с лёта. И когда Андреев наконец добился своего и стал играть намного энергичнее, чем прежде, это было справедливо расценено как спортивный подвиг, как торжество трудолюбия и воли замечательного спортсмена.

Итак, внимание, собранность, воля, труд — это верные спутники каждой победы на корте. Но вот австриец Хубер, о котором шла речь в предыдущей главе, сумел оказаться первым в сильном международном турнире, а ведь его поведение на корте никак не назовешь образцом сосредоточенности. Нет ли тут противоречия?

Нет! Потому что «разболтанность» Хубера носила показной характер и не столько мешала ему, сколько его противнику. «Это один из самых хитрых теннисистов, каких мне приходилось встречать», — сказал о Хубере Евгений Корбут. Вот как он описывал игру Хубера:

«Хубер, несмотря на свои шуточки, никогда не теряет над собой контроль. В любой момент он собран, и стоит только противнику, принявшему эти жесты за растерянность, слегка расслабиться, как тут же наступает возмездие...

Вот, скажем, как складывался его матч с Радзио, игравшим первую половину встречи собранно и сильно. Первый сэт Хубер проигрывает — 3 : 6, во втором он усиливает игру. Идет упорная борьба за каждое очко. Хубер с трудом выигрывает — 8 : 6. Третий сэт проходит с паузами. Хубер демонстрирует недовольство всем миром: собою, судьями, публикой, площадкой. Радзио продолжает играть сосредоточенно, легко выигрывает (6 : 1), но под конец тоже начинает улыбаться, шутить и... «расклеивается». В четвертой партии потерявший прежнюю собранность Радзио встречает нового Хубера. Тот все еще острит, как и в третьем сэте, но... вдруг перестает улыбаться. Не успеваешь Радзио оглянуться, как счет уже 6 : 2 в пользу Хубера. Радзио не в силах сконцентрироваться для решающей партии. И Хубер, играющий без всяких выкрутасов, не оставляет сопернику никаких надежд. Снова 6 : 2 в его пользу».

Советским теннисистам чужда такая манера игры. Настоящий спортсмен корректен и благороден, он никогда не будет стараться мешать противнику сосредоточиться. Вот почему манера игры Хубера, хотя он и занял первое место, вызвав восхищение мужественным атлетизмом, не нашла у наших спортсменов одобрения. Борьба должна быть честной.

ЧУДЕСНЫЙ СПЛАВ

Авторы теннисных книг и методических пособий обычно замечают, что для человека, не бравшего в руки ракетку, игра в теннис, очень сложная по своим движениям и приемам, кажется удивительно простой и легкой. «Что может быть с виду проще, чем бить по мячу ракеткой? — пишет, например, Лакост. — Любой теннисист, увидев игру первоклассного игрока, внутренне удивляется, почему он не играет так же хорошо».

В действительности же это своеобразный «оптический обман», кстати свойственный не только теннису и не только спорту. Вспомните, не казалось ли вам легким искусство скрипача? Чего проще — води смычком по струнам, а скрипка «сама» будет играть. Но стоит вам взять скрипку в руки, и вы с удивлением обнаруживаете, какие невыносимые скрипящие звуки может, оказывается, издавать этот чудеснейший инструмент...

Ракетка в этом смысле похожа на скрипку. Когда ракетка попадает в неумелые руки, мяч ведет себя словно шалопай, вырвавшийся из-под строгой опеки, и летит куда попало, причем, конечно, совсем не туда, куда его хотел послать игрок.

Чтобы укротить мяч, сделать его послушным слугой, безропотно выполняющим каждое ваше желание, надо овладеть хотя бы основными приемами, которые в совокупности принято называть техникой. Техника — это оружие теннисиста, оружие сложное, многообразное, тонкое. Почти все удары теннисист выполняет динамически, то есть «на ходу», причем сочетая мощь ударов с легкостью, пластичностью движений.

Основных ударов в теннисе не так уж много: это подача, удары справа и слева — с земли и с лёта, над головой, укороченные удары, свечи. Но вариаций ударов, оттенков их — бесчисленное множество. Вот почему теннис в полном смысле слова творческая игра, открывающая, особенно перед думающим, тактически тонким спортсменом, безграничные возможности для совершенствования.

Богатством технических приемов объясняется богатство стилей в теннисе. Правда, принято говорить о нескольких стилях, например современном, атакующем, стиле или пассивном, защитном, стиле. Но, к примеру, Тоомас Лейус и Вячеслав Егоров, оба играющие в современном стиле, совсем не похожи один на другого. И не похожи именно своей техникой, характером выполнения приемов. У них разные спортивные индивидуальности, которые по-разному проявляют себя не только в тактике игры, не только в решении психологических задач, но и в технике. Вот почему Анри Коше говорил: «Способ, которым будет играть начинающий, заложен в нем самом еще ранее, чем он взял в первый раз ракетку».

Это, конечно, правильно, стиль игры должен в какой-то мере соответствовать характеру человека, его вкусам, привычкам, природным данным. Ведь «стиль — это человек». И все-таки воспитание теннисиста нельзя отдавать на волю волн. В наше время в теннисе можно рассчитывать на успех только играя в агрессивной наступательной манере с частыми выходами к сетке. Поэтому начинающему спортсмену надо непременно освоить все без исключения основные удары, в том числе удары с лёта и над головой, даже если они «не заложены в нем самом еще ранее, чем он взял в руки ракетку».

«Большой мастер современного тенниса, — говорит С. Белиц-Гейман, — это своего рода «чудесный сплав», в котором гармонически сочетаются самые различные составные части, начиная от интеллекта, характера, воли спортсмена и кончая разнообразнейшими игровыми качествами. Достаточно, чтобы одна такая часть оказалась составленной не по рецепту, и чудесного сплава не получится».

Удар над головой

Примерно то же можно сказать применительно только к технике тенниса. Если у теннисиста слабо поставлен какой-нибудь удар, например с лёта или слева, как чудесный сплав нарушается, и в игре этого спортсмена появляется «дырка».

Правда, надо признаться, что даже у выдающихся мастеров есть, к сожалению, слабости, которые они стараются компенсировать своими сильными сторонами. Так, у Озерова был довольно неуверенный удар слева, Андрей Потанин, чемпион страны 1962 года, сравнительно слабо владеет ударами с лёта, и все же они, особенно Озеров, добивались выдающихся успехов. Но это объясняется только тем, что их соперники — тоже «живые люди» и тоже имеют свои недостатки, в противном случае они сумели бы навязать Озерову или Потанину такую игру, в которой упор делался бы как раз на эти слабые места, что, кстати, часто и бывало.

Не нужно также забывать, что играют не стили, а люди, и люди эти часто способны на спортивный подвиг. И когда они одержимы

жаждой такого подвига, когда они целиком захвачены жаждой борьбы и победы, им удастся в этом состоянии вдохновения преодолеть недостатки своей игры и осуществить самые дерзкие замыслы.

Очень убедительный пример этого — чемпионат СССР 1962 года. Героем этого турнира оказался ленинградский теннисист Андрей Потанин, которому впервые удалось завоевать почетный титул.

Потанин — типичный представитель довольно многочисленной группы теннисистов, у которых ярко выражены сильные и слабые стороны. Главное оружие Потанина — мощный, плассированный (то есть нацеленный в определенное место площадки) удар справа. Этот удар придерживает многих противников Потанина на задней линии, заставляет их отвечать слабыми мячами, не позволяет им на протяжении всего матча прийти в себя.

Но зато слева Потанин бьет намного слабее, а у сетки вообще чувствует себя в чужой стихии. Да и справа Потанин хорошо бьет только по сильному мячу, если же ему посылают длинные навесные мячи, ему не удастся пустить в ход свой знаменитый удар.

В ходе состязаний Потанин встретился с очень опасными противниками, каждый из которых претендовал на звание чемпиона. И все же Потанину удалось свалить всех.

Первым серьезным соперником Потанина был молодой и очень техничный тбилисский теннисист Александр Метревели. По богатству и разнообразию техники Метревели намного превосходил Потанина, но играют ведь не стили, а люди — и Метревели был разбит...

Следующим противником Потанина был бакинский теннисист Сергей Лихачев. Надо сказать, что Лихачев уже не раз становился жертвой Потанина. Поэтому можно было думать, что он предпримет что-нибудь такое, чтобы свести к минимуму потери от знаменитого потанинского удара. Но Лихачев, по-видимому, был еще до начала игры сломлен и, как ни странно, делал все, чтобы облегчить сопернику его задачу. Он играл в быстром и, главное, ровном темпе, что как раз любит Потанин, и даже не пытался выманить противника к сетке. Потанин кончил дело довольно быстро, выиграв в трех сетах.

В полуфинале Потанин встретился с чемпионом страны 1961 года ростовчанином Рудольфом Сивохиным. В этом матче встретились два стиля — современный, атакующий, который был представлен Сивохиным, и менее активный стиль с игрой в основном на задней линии. Победил стиль вчерашнего дня. Потому что, повторяю, играют не стили, а люди.

Чтобы подавить сопротивление Потанина, завладеть пространством у сетки, Сивохину надо было заставить противника бить из неудобных положений. Но для этого необходимы сильная подача и уверенная игра с задней линии. Но и подача, и удар справа — этот основ-

ной удар в теннисе — у Сивохина мягковаты, им не хватает мощи. Эти дефекты в технике не позволяли Сивохину действительно пользоваться своим сильнейшим оружием — ударами с лёта. Стоило Сивохину после подачи устремиться вперед, как Потанин, приняв без затруднений мяч, посылал его мимо бежавшего вперед противника.

Сивохин оказался между молотом и наковальней. Обмен ударами с задней линии неизбежно заканчивался для него катастрофой. Когда же он бросался к сетке, Потанин легко доказывал, что без должной подготовки этот маневр осуществлять нельзя. Победив чемпиона, Потанин вышел в финал, где его поджидал киевлянин Михаил Мозер.

В финальных матчах многое, а иногда и все, зависит от самообладания противников. Так случилось и на этот раз. Мозер не сумел справиться с нервами и потерпел поражение.

Итак, четыре сильнейших теннисиста, обладавшие более совершенной техникой и играющие в более прогрессивном стиле, уступили Андрею Потанину титул чемпиона. Так что же, значит, дело не в технике? Достаточно одной воли к победе? Конечно же, нет. Потанин в этом турнире превзошел себя, и сила, точность его удара справа были безупречны, что во многом компенсировало технические дефекты его других ударов.

Кроме того, его противники тоже имели технические изъяны. И, наконец, не одна техника участвует в успехе.

Но без разносторонней техники, без прочного фундамента, как ее иногда называют, теннисист, может быть, и способен на отдельные взлеты, но на прочный длительный успех ему рассчитывать нечего. Характерно, что спустя всего год Потанин крайне неудачно выступил в турнире III Спартакиады народов СССР. В некоторых матчах, как, например, в командной встрече Москва — Ленинград, чемпион страны был просто разгромлен...

Розыгрыш каждого очка в теннисе начинается с подачи. Следовательно, от подачи, от ее силы и направленности, во многом зависит ход борьбы в каждом гейме, а значит, в каждом сэте и в матче вообще.

В каждом деле, говорил Джек Лондон, самое трудное — это начало, а в начале самое трудное — это начать. Эти слова вполне применимы к теннису. Подача — довольно сложный прием, хотя его и можно разучивать без помощи партнера. Само собой понятно, что только попасть мячом в прямоугольник на стороне противника — штука нехитрая. Но в том-то и дело, что подача — это вовсе не только удар, которым мяч вводится в игру. Подача — это атакующий прием, это удар, начинающий наступление.

Подача и прием ее — это борьба за господство у сетки. Сумеет теннисист подать сильно и нацеленно в неудобное для противника место, и он может смело бежать вперед, к сетке, чтобы там убить мяч.

После слабой подачи он должен оставаться сзади, уступая, таким образом, инициативу противнику.

У теннисистов экстра-класса подача настолько совершенна, что, за редким исключением, подающий всегда выигрывает гейм. Только эти исключения и определяют победу в матче.

Несколько лет назад в нашей стране гастролировала труппа теннисистов-профессионалов под руководством Джека Крамера. Во время выступления труппы произошел любопытный случай. В одном из матчей встретились датчанин К. Нильсен и американец Б. Мак-Кей. У обоих — мощнейшая и абсолютно надежная подача, позволяющая вести игру в резко наступательном стиле. Победить в этой встрече мог только тот, кто выиграл бы гейм на подаче противника. В первом сэте это удалось сделать Мак-Кею. Но во втором сэте подача у обоих действовала безотказно. Счет геймов дошел до астрономической для тенниса величины — 22:22! Чтобы не сорвать остальные выступления, матч пришлось прекратить...

По свидетельству специалистов, и такая подача, как у Нильсена и Мак-Кея, еще не предел возможностей. Знаменитый австралийский теннисист Фрэнк Седжмен обладал совершенно феноменальной, поистине пушечной подачей. «Помните, — говорил он, что подача — не простое введение мяча в игру. Розыгрыш половины всех очков в матче вы начинаете с подачи. Это надо использовать, овладев сильной и разнообразной подачей».

Великолепной подачей обладает и другой австралийский теннисист Лью Хоад. Вот как описывает Евгений Корбут свои впечатления от подачи Хоада:

«Мне довелось видеть, как Лью Хоад впервые выиграл Уимблдонский теннисный турнир. Было это в 1956 году. Игра Хоада произвела на меня неизгладимое впечатление. Особенно запомнилась его подача, тот «козырной туз», который, собственно, и обеспечил ему победу.

В финальном матче Хоад играл со своим соотечественником Кэном Розуоллом, одним из лучших специалистов по приему подачи. Но и тот не смог нейтрализовать подачи Хоада, настолько они были сильны, точны и неожиданны по направлениям. Даже в тех случаях, когда Розуоллу удавалось отразить мяч, Хоад, выйдя к сетке, ударом с лёта добивал его...

Розуолл только раз за четырехсэтовый матч выиграл игру при подаче соперника. Во всех остальных случаях выигрывал Хоад, и стоило ему взять хотя бы одну игру на подаче противника, как он выигрывал и партию».

Из советских теннисистов старшего поколения сильной подачей обладали Негребецкий и Озеров. Мало участвуя в международных

встречах, они играли тем не менее в острейшем наступательном стиле и шли в ногу с теннисным веком. Среди нынешних сильнейших мастеров хорошей подачей владеют Лейус, Егоров, Метревели, хотя и у них она должна быть более надежной и мощной.

Для некоторых спортсменов, в том числе для Потанина и Сивохина, подача продолжает оставаться мучительной проблемой. Особенно болезненно сказывается недостаточная мощь подачи на игре Сивохина. Игрок ярко подчеркнутого наступательного стиля, рвущийся к сетке, где он чувствует себя как рыба в воде, Сивохин после своей подачи часто вынужден застревать на задней линии, так как противник беспощадно расправляется с легким мячом, гоняя Сивохина по углам корта.

К каким плачевным результатам приводит плохая подача, показывает пример довольно сильной эстонской теннисистки Марии Куль. По своим физическим данным и довольно отточенной технике Куль вправе претендовать на победу в матче почти с любой соперницей, но в решающие моменты поединка она часто проявляет неуверенность, которая сводит на нет все ее усилия. Неуверенность Куль прежде всего сказывается на подаче.

На московском международном турнире в марте 1964 года Куль встретила с тбилисской теннисисткой Ириной Ермоловой. Куль начала борьбу со своей опытной соперницей очень уверенно и энергично. Долгое время совершенно нельзя было предугадать, кому достанется победа. Но вот наступил решающий момент сражения. Именно сейчас надо было, как говорят спортсмены, «добавить игру», чуть-чуть усилить удары.

Куль поступила как раз наоборот. Не в силах совладать с волнением, она не добавила, а резко ослабила игру. Вместо того, чтобы вводить мяч в игру сильным ударом сверху, как это делают все без исключения теннисисты, она вдруг начала подавать ударом снизу. Мяч взлетал высоко над сеткой и, если так можно выразиться, беззащитным попадал под удар Ермоловой. Расправиться с таким мячом не составляло никакого труда, и Ермолова на подаче соперницы набирала очко за очком.

Мало того. Попад под град ударов противницы, Куль растерялась. Теперь у нее «сломалась» не только подача, но и вообще вся игра. Добровольно уступив инициативу сопернице, Куль фактически лишила сама себя возможности вести активную борьбу и проиграла.

На том же турнире московские любители тенниса впервые увидели игру очень интересного и своеобразного французского теннисиста Жана-Клода Баркляя. Этот спортсмен полностью подтверждает слова Коше. Способ, которым играет Барклай, был действительно «заложен в нем самом еще ранее, чем он взял в первый раз ракетку».

Дело в том, что Барклай в первый раз взял ракетку, когда ему было всего шесть лет. И так как его никто не учил, а ракетка, естественно, показалась ребенку тяжелой, он взял ее двумя руками.

Барклай так и играет, подобно уже знакомому нам Сегуре, двумя руками. Само собой понятно, что Барклай увереннее всего чувствует себя на задней линии, а к сетке выходит только в случае острой необходимости.

Итак, казалось бы, Барклай — типичный игрок задней линии, то есть представитель защитного стиля. В действительности это не так. Барклай ведет борьбу в стремительном темпе. Он старается бить по так называемому восходящему мячу, то есть в момент, когда тот только начал отскакивать. В результате соперник просто не успевает выбежать к сетке, и мяч чаще всего летит ему в ноги, застигая игрока где-то на середине корта. Чтобы убыстрить игру, Барклай не делает большого замаха, но выполняет удар с большой силой, так что мяч летит очень быстро.

Манера игры Барклая требует от него большого искусства в подаче и приеме подачи. Кстати сказать, прием подачи по своей роли в борьбе за инициативу мало в чем уступает самой подаче. Потому что, говоря словами Седжмена, розыгрыш половины всех очков в матче начинается с приема подачи.

Теннисисты наступательного стиля стараются принимать мяч как можно ближе к месту отскока. При этом они убивают двух зайцев: во-первых, бьют по восходящему мячу и, стало быть, максимально убыстряют темп игры, не позволяя противнику успеть занять место у сетки. Во-вторых, при этом сокращается расстояние до сетки, и принимающий подачу может оказаться там быстрее подающего.

Барклай принимает подачу не за линией корта, как это делали многие теннисисты, а в пределах площадки. Его быстрейшие удары в ответ на подачу отрезвляют самых заядлых «сеточников». «Вот уже три года никто из моих соперников не выходит к сетке», — говорит Барклай...

И все же Барклай вовсе не непобедим. Несмотря на многие сильные стороны, его техника однобока. В полуфинале турнира Барклай потерпел заслуженное поражение от Александра Метревели, которому его разносторонняя техника позволила избрать гибкую, маневренную тактику.

Подача и ее прием — это всегда спортивная дуэль, в которой многое зависит не только от мастерства теннисистов, но и от их хладнокровия, изобретательности, хитрости. Вот, например, как интересно проходила эта дуэль между двумя советскими теннисистами Николаем Озеровым и Семеном Белиц-Гейманом.

Среди сильнейших мастеров Белиц-Гейман выделялся стремлением глубоко анализировать свою игру и неустанно совершенствовать ее. У него была оригинальная, хорошо продуманная подача. Если не получался первый сильный удар, Белиц-Гейман на второй подаче сильно подкручивал мяч, так что после отскока он резко уходил в сторону и его трудно было принять.

Подобно Белиц-Гейману Озеров тоже был очень наблюдательным и вдумчивым игроком. Как-то, следя за игрой Белиц-Геймана, он заметил, что тот, подавая мяч, сначала смотрит на противника, а потом уводит взгляд в сторону и совершенно выпускает принимающего подачу из поля зрения. Играя с Белиц-Гейманом, Озеров хитроумно воспользовался этим. В момент, когда соперник уводил взгляд в сторону и вверх, Озеров мгновенно забегал вбок, оставляя другую сторону совершенно незащищенной, и бил по мячу из очень удобного положения. Если бы Белиц-Гейман быстро разгадал этот маневр, он постарался бы изменить направление удара и послать мяч в пустой угол. Но в том-то и дело, что он не видел хитрости противника и потерял очень много очков, пока, наконец, сообразил, в чем дело, и стал следить за каверзами своего изобретательного противника.

Необычайную находчивость при приеме подачи проявлял и Хубер. Московские зрители не раз аплодировали, например, укороченным ударам Хубера. Принимая подачу, он так сильно подрезал мяч, что тот едва-едва перелетал через сетку и тут же, что называется, испускал дух. Принять такой мяч было почти невозможно. А некоторые удары Хубера при приеме подач нельзя было отбить без всякого «почти». Это были тоже укороченные удары, причем мяч был подрезан с таким искусством, что, опустившись на стороне противника, он возвращался «домой», на сторону Хубера!..

Любопытно, что несколько десятков лет назад укороченные мячи назывались «жуликами» и пользоваться ими считалось «нечестным». Представьте себе, было такое! В наше время с этим смешным предрассудком покончено. Одним из первых у нас изменил взгляд на этот удар Николай Озеров. Играя очень разнообразно, применяя гибкую тактику, Озеров сделал этот прием одним из своих самых надежных союзников. Укороченным ударом, кстати довольно сложным по выполнению, пользуются теперь с большим успехом многие спортсмены.

Часто пользуются этим ударом Лейус, Метревели, Сивохин, Мозер. Но настоящий виртуоз укороченного удара — это, конечно, чехословацкий теннисист Иржи Яворски. На московском международном турнире весной 1960 года этот теннисист добился нескольких выдающихся побед, главным образом с помощью такой тактической комбинации: сначала укороченным ударом он «подтаскивал» своих противников к сетке, а потом перекидывал мяч через их голову свечой, ча-

сто тоже подкрученной, после которой мяч отскакивал не вверх, а летел почти параллельно земле.

Как и укороченный удар, свеча тоже долгое время считалась приемом второго сорта. И это нетрудно понять. По сравнению с энергичным ударом справа или сокрушительным ударом над головой свеча, этот взлетающий высоко мяч, выглядит пассивным, чисто оборонительным приемом.

Но мнение это глубоко ошибочно. В умелых руках свеча может стать очень опасным контратакующим и даже атакующим ударом. Хорошего игрока у сетки невозможно обыграть, не пользуясь время от времени свечами, — говорил в свое время бывший чемпион мира Фред Перри.

Надо помнить, однако, что свеча при всей своей кажущейся легкости — один из наиболее трудных по выполнению ударов. Она должна не улететь за пределы корта, но в то же время быть достаточно высокой, чтобы соперник не сумел достать ее. Следовательно, при выполнении свечи очень важно придать мячу правильную траекторию полета.

Особенно сложна так называемая крученая свеча, при которой мячу придается вращение, благодаря чему он, ударившись о землю, отскакивает в сторону.

Трудность заключается еще в том, что даже небольшая ошибка при ударе свечой почти наверняка означает проигрыш очка. Нет для вашего противника более лакомой добычи, чем плохая свеча. Вот почему есть довольно сильные мастера, которые испытывают недоверие и неприязнь к свече. Зато наиболее техничные наши теннисисты, как, например, Тоомас Лейус, очень охотно и с большой пользой применяют свечи, заставляя противников с большой опаской выбегать вперед.

Свеча всегда тактически обостряет и разнообразит игру. Именно свеча придала особый тактический колорит матчу Бориса Боровского с Нугзаром Мдзинаришвили в чемпионате СССР 1962 года. Зная, что у Мдзинаришвили слаб удар слева и что он часто забегает под удар справа, Боровский стал посылать мячи под левую руку соперника. Удары были довольно сильными, и забегать под удар справа Мдзинаришвили не успевал. Слева же его удары были настолько бледными, что Боровский каждый раз без труда справлялся с мячом.

Что было делать? Мдзинаришвили принял единственно верное решение: идти вперед и, так сказать, пресекать у сетки коварные замыслы противника.

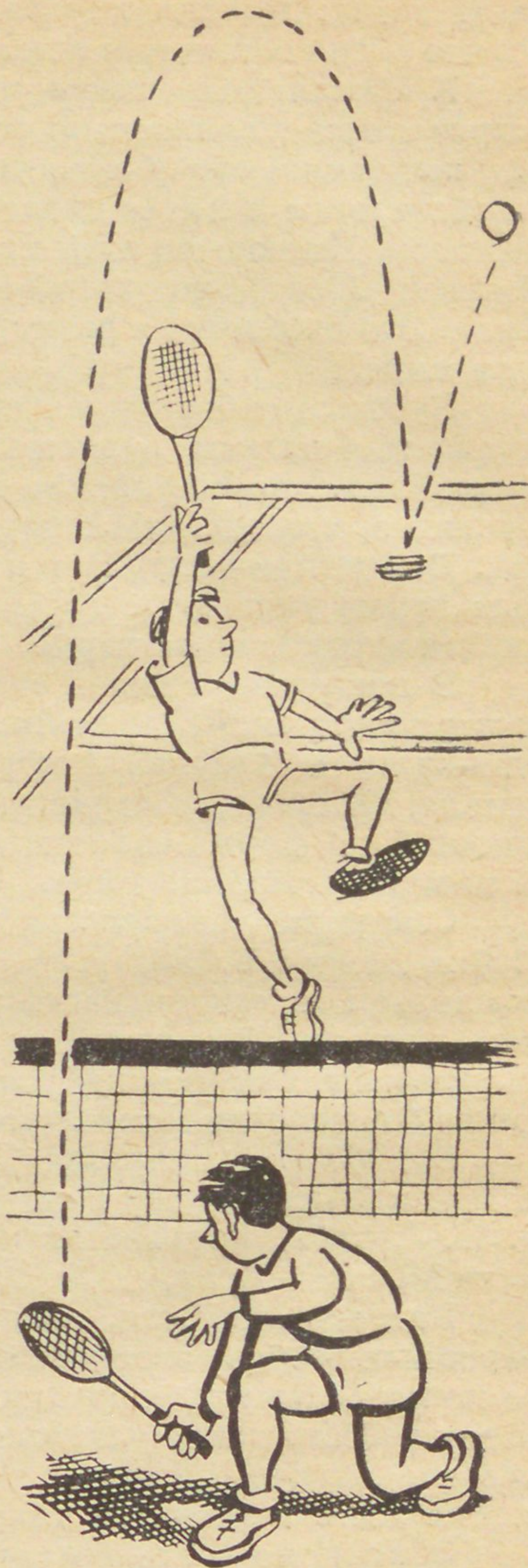
Но и тут его подстерегала неприятность. Не очень тщательно готовя свои выходы, Мдзинаришвили подбегал вплотную к сетке. Боровский подметил это и стал применять свечу, выигрывая очко за очком. Он выиграл первый, а затем и второй сэт.

Этот «вальс негаснущих свечей» продолжался до сумерек, когда матч был прерван. Мдзинаришвили сумел глубоко проанализировать ход борьбы и при возобновлении поединка изменил тактику. Теперь он часто выбегал не к самой сетке, а притормаживал, что позволяло ему настичь свечу.

Инициатива перешла к Мдзинаришвили. Он выиграл две партии и в пятой, последней, вел со счетом 5 : 3. Только теперь, почувствовав, что почти все потеряно, Боровский изменил свой план. Прежде чем применить свечу, он сначала обводил противника точным низким ударом, вынуждая ближе подойти к сетке. Только после этого в ход шла свеча, достать которую Мдзинаришвили уже не мог. Победил Боровский, победил, во многом благодаря свече.

Свеча спасла однажды Николая Озерова в матче с опытным польским теннисистом Владиславом Сконецким. В решающей партии Озеров был намного впереди — 5 : 1. Можно было думать, что исход встречи предрешен. Но Сконецкий продолжает яростно сопротивляться, и Озеров, не ожидавший такого отпора, с отчаянием видит, что гейм уходит за геймом.

Наконец, счет становится 5 : 5. И вот в одиннадцатом гейме развертывается генеральное сражение. Оба соперника отдают борьбе последние силы. В один из моментов Сконецкий бьет смеш. Озеров, находящийся неподалеку от сетки, каким-то чудом успевает настичь мяч и ударом с лёта посылает за голову Сконецкого свечу. Свеча ударом с лёта да еще после смеша — это невероятно трудный прием, и не удивительно, что соперник был к нему совершенно не готов. Сконецкий не сумел до-

„Свеча“

гнать свечу, потерял выигранное, казалось бы, очко и так расстроился, что отдал остальные очки без особой борьбы.

К сожалению, такие примеры искусного пользования свечой встречаются сравнительно редко. Куда чаще случается, что теннисист или выполняет свечу недостаточно умело или вовсе игнорирует ее, хотя обстановка в матче складывалась так, что свеча была просто необходимой. Именно по этой причине, например, едва не упустил победу Михаил Мозер во встрече с Агирре в командном матче СССР — Чили. Это был матч в розыгрыше Кубка Дэвиса — командного первенства мира.

Кубок этот был учрежден в 1900 году американским теннисистом Дуайтом Филлеем Дэвисом. Сам инициатор этого розыгрыша вовсе не ожидал, что состязание приобретет такую популярность и станет фактически командным первенством мира, но случилось именно так. В команде выступает не больше четырех теннисистов. В одиночных играх участвуют двое, а для парной встречи можно выставить любых игроков из четверки.

В последние годы в состязаниях на Кубок Дэвиса успеха добиваются австралийские теннисисты. И это не удивительно: из каждых одиннадцати жителей Австралии (а их 11 миллионов) один играет в теннис. Команде, выигравшей Кубок Дэвиса, вручается приз (напоминающий по форме салатницу), а также присваивается звание неофициального чемпиона мира.

Советские теннисисты впервые приняли участие в розыгрыше Кубка Дэвиса в 1962 году. Выиграв в своей зоне со счетом 5 : 0 у команды Голландии, наши теннисисты встретились с командой Италии, считающейся одной из сильнейших в мире. В этом матче наши спортсмены, как и ожидалось, потерпели поражение, но в каждом поединке борьба отличалась упорством.

В 1963 году команда СССР выиграла у финских теннисистов, а потом в Москве, на Малой арене Центрального стадиона имени В. И. Ленина, принимала команду Чили. И вот тут-то и состоялся матч Мозер — Агирре.

Как мне кажется, это была одна из самых волнующих международных встреч советских спортсменов за последние годы. И не только потому, что исход поединка решал, по-видимому, судьбу командного матча. Игра складывалась так, что Мозер, который был, бесспорно, сильнее Агирре, проиграл первые два сэта и, по существу, на протяжении всего состязания находился на грани поражения.

Объяснялось это прежде всего тем, что огромное чувство ответственности как бы придавило Мозера, лишило его игру разнообразия. Темповый игрок, действующий обычно в мощной, атлетической мане-

ре, Мозер играет пассивно, не верит себе и в результате этого часто ошибается при выполнении самых простых ударов.

Агирре почувствовал, увидел эту неуверенность и правильно решил, что надо ковать железо, пока оно горячо. Игрок защитного стиля, редко покидающий заднюю линию, он теперь, осмелев, то и дело выбегает к сетке. Мозер, неожиданно для самого себя оказавшийся в роли обороняющегося, пытается обвести его низким ударом, но делает это настолько неточно, что Агирре с легкостью перехватывает мяч у сетки.

Между тем даже самые неискушенные зрители поняли, что Агирре не в ладах с высокими мячами. И вот уже трибуны скандируют Мозеру: «Све-чу! Све-чу!» Только после этого «намек», проигрывая в решающей партии 1 : 4, Мозер спохватывается, начинает действовать более разнообразно и прямо-таки вырывает победу. Но если бы он искусно владел свечой и пользовался ею без уговоров зрителей, победа далась бы ему значительно легче, не говоря уже о том, что вообще судьба всего командного матча висела на волоске и товарищи Мозера по команде изрядно переволновались.

В этой встрече наш теннисист не умел вовремя пользоваться свечой. А вот в другом матче розыгрыша Кубка Дэвиса — с командой Италии в 1962 году — наши спортсмены понесли урон во многом оттого, что не умели «убивать» свечу.

В матчах с командой Италии наши теннисисты встретились со своеобразной свечой, которую применял Ф. Гардини. Подобно уже знакомому нам Барклаю, Гардини владеет необычной техникой. Когда он, например, бьет свечу, мяч летит не по пологой траектории, а устремляется на большую высоту до 13—15 метров и опускается почти совершенно отвесно у самой задней линии. Убить такую свечу, особенно с непривычки, дело не такое простое. Лейус и Лихачев, которые уверенно расправляются с обычными свечами, когда они падают на ракетку, перед вертикальной свечой явно спасовали. Вот и получилось, что свеча в исполнении итальянского теннисиста превратилась, по существу, в средство нападения.

Вы можете спросить, а стоит ли так много говорить о свече — ведь она не относится к важнейшим ударам? На это я ответил бы так: да, в теннисе есть удары важнейшие, главные, как, например, подача, удары справа и слева, но нет ударов второстепенных. Любая прореха в технике делает игрока легко уязвимым, стоит только противнику нащупать слабое место.

Да и вообще понятие «основной удар» стало весьма относительным. Прежде удар с лёта вовсе не принадлежал к числу основных, главных, а в современном теннисе без владения этим ударом нечего и рассчитывать на сколько-нибудь значительные успехи.

Кстати сказать, удар с лёта, не говоря о его атакующем характере, доставляет теннисисту особенное наслаждение и в этом смысле не уступает даже своему родному брату — смешу. «Нет ничего более восхитительного, чем быстрый выход к сетке для крепкого удара с лёта вне досягаемости вашего противника», — говорит известный английский тренер Антони Моттрем. Справедливость этих слов каждый теннисист не раз проверял на своем опыте.

Без удара с лёта нет атаки. Вот почему все наши сильнейшие теннисисты — Тоомас Лейус, Александр Метревели, Рудольф Сивохин, Михаил Мозер, Сергей Лихачев, Вячеслав Егоров — хорошо играют с лёта. Анна Дмитриева прежде всего уверенному удару с лёта обязана тем, что на протяжении последних лет неизменно побеждает в чемпионатах страны.

Удары с лёта, как и свеча, довольно трудны. Поэтому надо не откладывать изучение этого удара на долгий срок, а осваивать его вместе с ударами по отскочившему мячу. Вот, например, что советует по этому поводу знаменитый австралийский теннисист Фрэнк Седжмен:

«Мой совет ребятам, которые хотят освоить игру с лёта, — приспособьте для этой цели кирпичную стену. Ударяйте в нее мячом и принимайте его обратно максимальное число раз, сосредоточив на этой задаче все внимание. Я исхожу в этом из собственной практики. К нашему дому прилежала кирпичная стена, и я непрерывно тренировался около нее. Вот почему моя игра с лёта значительно сильнее, чем удары после отскока...»

Итак, вы уже, наверное, поняли, что освоение всех необходимых приемов и ударов в теннисе, и основных, и «не основных», — это дело довольно сложное, тонкое и трудоемкое. Опыт показывает, что для подготовки действительно хорошего теннисиста, если он начал заниматься в юном возрасте, нужно шесть-семь лет регулярных занятий.

Само собой понятно, что молодые теннисисты занимаются под руководством опытных тренеров, которые хорошо знакомы с методикой занятий. И все же один совет вам наверняка не повредит, тем более что совет этот исходит от главного тренера Федерации тенниса СССР С. Белиц-Геймана.

Не зубрите технику! Не копируйте слепо движения других, а перенимайте все полезное осознанно, старайтесь глубоко вникнуть в суть, «в душу» каждого удара, понять его индивидуальные особенности, понять смысл и назначение.

«Теннис — технически сложный вид спорта, — говорит Белиц-Гейман в статье, которая (заметьте это!) называется «Искусство мыслить». — А освоение техники — прежде всего умственный труд. Успех дела в конечном счете зависит от знаний и от умения игрока с по-

мощью самоподсказа управлять своими движениями. Чем лучше «запрограммированы» они в его голове, тем четче их выполнение».

Есть известное выражение: «в теннис играют ракеткой, а выигрывают головой». Очень правильные слова. Действительно в конечном счете побеждает мысль, и об этой необычайно интересной стороне теннисной борьбы мы поговорим в следующей главе, посвященной тактике. Здесь же мне хотелось бы заметить, что как бы ни был умен теннисист, какими бы тонкими тактическими замыслами ни была полна его голова, он без отшлифованной до блеска техники ничего не сможет осуществить, как ничего не сможет сделать самый талантливый изобретатель, если у него нет под рукой необходимого инструмента.

История тенниса знает немало примеров, когда сильные игроки терпели поражение из-за того, что не умели наметить правильный тактический план. Но нередки и такие случаи, когда не помогал и правильный план — из-за того, что спортсмен, как говорится, по техническим причинам не мог его выполнить. Классическим примером может служить финальный матч команд СССР — Франция в розыгрыше Кубка Галея.

Несколько слов об этом состязании. Кубок Галея — младший брат Кубка Дэвиса. Учредила его французская любительница тенниса Эдмонд де Галея ровно через 50 лет после того, как был начат розыгрыш Кубка Дэвиса, — в 1950 году. За Кубок Галея борются молодежные команды — участники должны быть не старше двадцати лет.

Советские теннисисты не раз выступали в этом интересном соревновании, причем часто были очень близки к завоеванию почетного трофея (правда, сам Кубок не выдается, команда-победительница получает памятный приз и медали).

Большие шансы имела наша команда в финале розыгрыша Кубка Галея 1962 года. Играя с французской командой, наши спортсмены добились перевеса — 2 : 1. Из двух последних матчей надо было выиграть один. Задача была не из простых, так как предстояло играть с сильнейшим молодым теннисистом Франции, уже знакомым нам Жаном-Клодом Баркляем, и все же осуществимая. Увы, этого единственного очка нашим спортсменам добыть так и не удалось.

Барклай, как вы помните, лучше всего чувствует себя на задней линии, откуда он посылает мячи сильным и очень быстрым ударом, как правило, двумя руками. У сетки Баркляю неуютно. С лёта он бьет неточно, да и то лишь в случае крайней необходимости.

Как надо играть с таким противником? Мощная игра с выходами к сетке и ударами с лёта его не пугает: вся техника Барклая специально подготовлена к опровержению такой игры. Следовательно, тактический план должен быть необычным, именно таким, который заставил бы Барклая играть в неудобных условиях и вскрыл недостат-

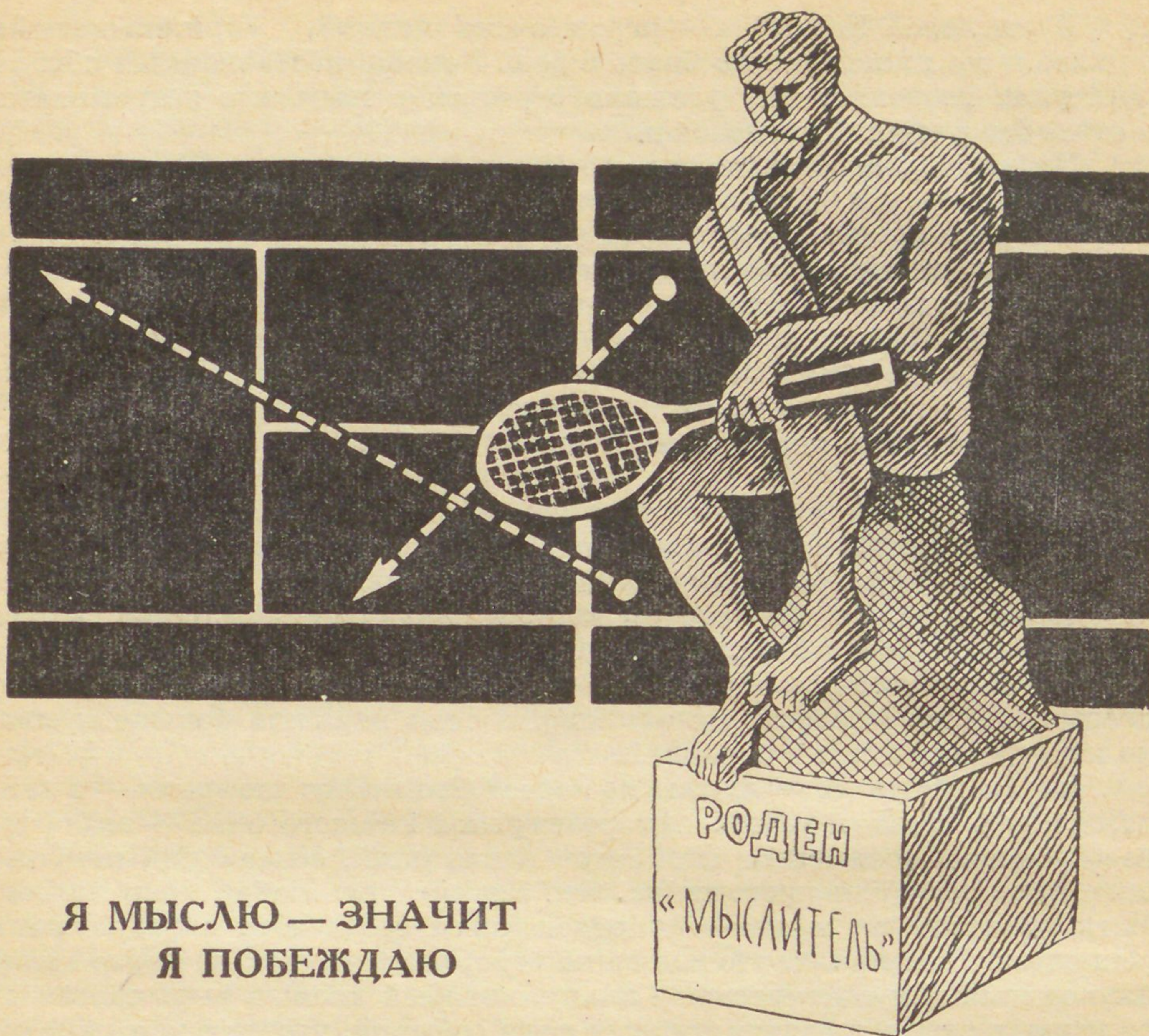
ки в его технике. План этот напрашивается сам собой: стараться укороченными ударами выманить Баркляя с задней линии к сетке, а потом обводить его низкими ударами или свечой.

Первым встречался с Баркляем Нугзар Мдзинаришвили. Он начал матч в своей излюбленной манере. У него получались сильные подачи, удары с лёта, «глубокие» удары справа. Словом, Нугзар играл для себя здорово. Но все, что он делал в этой игре, было Баркляю по вкусу!

Тренеры нашей команды условились с Мдзинаришвили, что, в случае неудачного хода борьбы он изменит тактику и постарается осуществить описанный выше план. Нугзар попытался выполнить советы тренеров. Увы, как выяснилось, свечи Мдзинаришвили получались неточными и не причиняли Баркляю неприятностей. Что же касается укороченного удара, то мяч после него и вовсе шел то прямо на ракетку противника, то в сетку.

И вот, как ни горько это было, Мдзинаришвили пришлось отказаться от продуманной и выгодной тактики и перейти к тактике, которая была удобна его противнику. Что из этого получилось, нетрудно понять. Примерно так же протекал и матч Метревели с Баркляем. Так из-за недостатков в технике, из-за неумения распоряжаться всем богатством приемов наши спортсмены проиграли важный матч, проиграли, перефразируя поговорку, не головой, а ракеткой. Бывает, оказывается, и такое.

Пройдет два года, и Александр Метревели возьмет у Баркляя реванш. Этот реванш удастся ему потому, что и свеча, и укороченный удар станут к тому времени его верными друзьями и будут энергично помогать осуществлению глубоких тактических планов.

Я МЫСЛЮ — ЗНАЧИТ Я ПОБЕЖДАЮ

Чемпионат страны 1961 года проходил в Калининграде. Сентябрь выдался теплый, но дождливый. Во время очередного дождя несколько теннисистов укрылись под большим раскидистым каштаном, что стоит в густом тенистом парке, где расположены теннисные площадки.

Их было четверо: три ветерана, три заслуженных мастера спорта — Борис Новиков, Эдуард Негребецкий, Николай Озеров — и совсем еще в ту пору зеленый Александр Метревели, которому было всего семнадцать лет. Метревели, за день до того победивший чемпиона страны Михаила Мозера, только что проиграл ленинградскому мастеру Андрею Наседкину. Вчера еще Метревели принимал поздравления, а сейчас три знаменитых теннисиста разделявали его в пух и прах.

И за дело! Наседкин — игрок очень цепкий, «прижимистый», каждое очко нужно у него брать с бою. Хорошо поставленный обводящий удар позволяет ему успешно бороться с теми, кто устремляется к сетке без должной подготовки.

Метревели, игрок атакующего стиля, хорошо понимал грозившую ему опасность, но вышел на корт без сколько-нибудь продуманного плана. Отправив мяч под левую руку Наседкина, он бежал к сетке, но соперник именно слева обводит особенно точно. В то же время, пошлав крученую свечу, юный спортсмен оставался на задней линии, хотя как раз сейчас и следовало идти вперед. Почувствовав расхлябанность в игре противника, Наседкин навязал Метревели удобный для себя темп и полностью завладел инициативой. Победителю чемпиона страны не удалось выиграть в этом матче ни одного сэта...

Конечно, на игре юного теннисиста сказалось огромное нервное напряжение, ценой которого ему достался успех во встрече с Мозером. И все же главной причиной неудачи была бездумная, тактически беспомощная игра. Вот за это-то и корили юношу наблюдавшие за матчем ветераны. Завершая разговор, Озеров сказал:

— Самое важное в теннисе — мысль! Запомни это. А вообще не расстраивайся. Играешь ты неплохо, и если начнешь больше думать на корте, — все будет в порядке!..

Что же это такое — думать на корте? Это значит все время — в каждом сете, в каждом гейме, при розыгрыше каждого очка — выбирать из огромного количества вариантов наилучший, создающий наибольшие трудности для противника. Это значит, что любой удар должен быть продиктован каким-то определенным замыслом, определенным решением. Это значит, что вся ваша игра, все действия на корте должны подчиняться тактическому плану, который должен быть составлен до игры, а затем, в зависимости от хода событий, уточнен или изменен вовсе.

Тактика теннисиста во многом зависит от его техники, от умения выполнять различные удары. Чем богаче техника, чем искуснее и разнообразнее удары игрока, тем больше у него тактических возможностей. Что толку в самых глубоких и оригинальных замыслах, если теннисист не может, не в состоянии их осуществить?

Прежде, когда теннисисты редко применяли удары с лёта, а свечи и укороченные удары считались «дурным тоном», тактика была сравнительно проста. Игроки, как правило, либо старались загнать один другого в угол, чтобы потом послать неотразимый мяч в незащищенное место корта, либо просто обменивались ударами с задней линии в ожидании, пока противник ошибается. Такая тактика соответствовала уровню техники того времени.

Но вот стал господствовать наступательный стиль игры с частым применением ударов с лёта, с непрерывными выходами к сетке. Против таких игроков начали применяться свечи, в сочетании со свечами очень полезными оказались укороченные удары. Техника игры стала намного разнообразнее, и это открыло безграничные возможности для разнообразных тактических маневров.

Современная тактика отличается активным, смелым характером. Теннисисты нашего времени не дожидаются ошибки противника, а вынуждают ее, то есть своей игрой ставят его в такие условия, когда он должен совершить ошибку, либо завершают розыгрыш очка неотразимым ударом, чаще всего с лёта, или смешем — ударом над головой.

Но само собой понятно, что противник стремится к той же цели, он вовсе не расположен создавать для вас удобства в игре, создавать вам предпосылки к нанесению решающего удара. И вот тут-то и начинаются взаимные хитрости, взаимные подвохи, замысловатые тактические ходы. Когда на корте встречаются игроки, осуществляющие тонкие тактические планы, зрители, следя за их игрой, как бы находятся в творческой лаборатории теннисистов. Игра в этом случае становится похожей на шахматную партию: каждый удар — это ход в партии, каждый маневр подчинен общему плану, в действиях теннисистов нет ничего случайного, необдуманного.

Стало быть, тактика современного тенниса — это сочетание наступательной мощи с тонкой мыслью, сочетание сильнейших ударов с «шахматными» маневрами. Чтобы осуществлять такую тактику, теннисист не только должен обладать атлетической подготовленностью и разносторонней техникой, но и тем, что принято называть игровой интеллектуальностью. Иначе говоря, он должен уметь мыслить на корте, уметь в короткие паузы между розыгрышем очка проанализировать свои действия, действия противника, всю обстановку поединка, уметь в случае необходимости изменить тактические действия.

Игровая интеллектуальность проявляется и в умении молниеносно разгадывать направление удара противника. Игроки высокого класса ведут игру, как правило, в быстрейшем темпе. Если спортсмен не умеет предвидеть события, разгадывать направление удара противника, ему не помогут ни быстрота, ни резкость, ни сила — он все равно опоздает на мяч. Умение «читать мысли» противника — обязательное, неременное качество сильного теннисиста.

В московском международном турнире в августе 1961 года состоялся матч, в котором спортсмены не раз вызывали овации зрителей искусством разгадывания мыслей противника. Речь идет о встрече мексиканца Эстебана Рейеса с чехословацким теннисистом Петером Штроблом.

Оба соперника состязались в хитрости, в коварстве (если допустимо такое слово к двум удивительно симпатичным людям), в остроумии. Да, в остроумии, я ничуть не преувеличиваю. Мяч у них летел обязательно в открытые, незащищенные места корта, оба старались во что бы то ни стало парировать любой, самый острый, выпад, пушечные выстрелы чередовались с мягкими, подрезанными ударами, когда ракетка еле-еле прикасалась к мячу и он, переваливаясь через сетку, почти не отскакивал от земли. Главное же — все, что происходило на площадке, было подчинено острой, недремлющей мысли.

Второй сэт был красивейшим и, если можно так выразиться, умнейшим в этом матче. Когда счет геймов перевалил за 10, партнеры уже начали улыбаться. Вся их игра, несмотря на яростный накал борьбы, была озарена лучезарной улыбкой и доставляла поистине эстетическое наслаждение. Ни злости, ни досаде, ни дурному настроению на корте не было места. Попав впросак, каждый из них не хмурился, не мрачнел, а улыбался, показывая всем своим видом, что ему тоже нравится, как здорово перехитрил его противник. Случалось, Рейес в особенно огорчительные моменты, проиграв какой-нибудь легкий мяч, сгоряча подбрасывал ракетку в воздух и ловко подхватывал ее, но делал он это всегда с полушутливой миной, а вовсе не с отчаяния и злости.

Конечно, вся эта жизнерадостность обоих теннисистов была непритворной, совершенно искренней, и в то же время оба специально, сознательно старались поддерживать в себе хорошее настроение. Потому что оно позволяло им преодолевать чувство досады, позволяло в паузах спокойно и трезво анализировать игру, следить за противником и предугадывать его действия. Вот уж где не только сами игроки читали в мыслях друг друга, но и доставили зрителям удовольствие следить за истинно шахматной игрой на теннисной площадке.

Вот Рейес подрезал мяч, и тот опустился у сетки возле правой боковой линии Штробла. В резком прыжке Штробл умудрился достать этот трудный мяч. Рейес был в это мгновение тоже у сетки, но у противоположной боковой линии. Убежденный, что Рейес помчится вдоль сетки, чтобы закрыть зияющую брешь, Штробл отбивает мяч туда, где мексиканец стоял. Но тот, разгадав каким-то чутьем этот замысел (вот оно, искусство предвидения!), остался на месте и перехватил мяч.

Теперь уже Рейес, который, помимо, своей воли находится под впечатлением тактической идеи соперника, сам проделывает точно такой же маневр, но и Штробл сумел прочесть мысли противника и остался там, где был! Он в точности повторяет удар в уверенности, что выиграл очко — теперь-то Рейес побежит вдоль сетки, не может быть иначе!

Что вы думаете — Рейес снова остался на месте! Увидев это, Штробл, уже не дожидаясь замаха соперника, устремился к противо-

положной боковой линии: сейчас-то уж Рейес наверняка переведет мяч туда. Но мексиканец, вновь разгадав ход мыслей соперника, безусловно точным ударом направил мяч как раз туда, где Штробл только что был, и, словно извиняясь, улыбнулся...

Среди наших теннисистов отличным тактиком, умным, изобретательным, находчивым был Николай Озеров. Его достойными преемниками в этом смысле стали Тоомас Лейус (которого за его тактическую хитрость и расчетливость зовут иногда «профессором» или «бухгалтером») и Александр Метревели. Эти теннисисты, несмотря на свою молодость, в полной мере обладают игровой интеллектуальностью, что придает их игре то самое сочетание мощи с тонкостью замыслов, которое свойственно тактике современного тенниса.

К сожалению, есть немало теннисистов, пренебрегающих интеллектуальной стороной теннисной борьбы и считающих, что никакая мысль не устоит перед силой. Но как ни эффективны, как зрелищно ни внушительны мощнейшие удары, если они не «подсвечены» изнутри мыслью, они выглядят все-таки холостыми выстрелами, не больше.

В чемпионате СССР 1961 года встретились яркие представители так называемого силового тенниса — Сергей Лихачев и Анатолий Чугунов. Они похожи друг на друга не только манерой игры, но даже чисто внешне. Этакие коренастые крепыши с рельефно очерченными мышцами рук и ног, заставляющие ракетку после каждого удара жалобно звенеть.

Атлетические качества позволяют соперникам вести борьбу в любом темпе, вкладывать в удары огромную силу. Их мужественная игра зрелищно производит сначала впечатление, временами она даже необычайно красива. Но проходит непродолжительное время — и за мишурой звонких ударов обнаруживается пустота.

Вот Чугунов ударом в угол заставил соперника выбежать за пределы площадки. После ответа Лихачева мяч опускается у самой сетки на стороне Чугунова. Есть множество простых и надежных способов выиграть в этой ситуации очко. Чугунов выбирает самый сложный: бьет изо всей силы, не очень заботясь о прицельности. И что же? Мяч задевает за сетку, теряет скорость и опускается где-то на середине площадки, где подоспевший Лихачев настигает его.

Аналогичные положения повторялись часто. И всякий раз Чугунов, пренебрегая разнообразными возможностями и техническими приемами, заботился только о том, чтобы одним ударом вогнать гвоздь по самую шляпку. То, что при этом он часто попадал не по шляпке, а по своим пальцам, его не очень смущало.

Теннисисты такого однобокого, сугубо силового направления уверенно действуют обычно, только когда игра идет в удобном для них стиле и ритме. Лихачев, например, очень опасен, когда идет ровная

игра в быстром темпе, с обменом сильными ударами. Но он быстро сникает, когда противник переходит на «рваный» ритм, варьирует не только направление ударов, но и их характер, и силу.

Именно так, например, действовал против Лихачева Лейус на московском международном турнире в марте 1964 года. Он обрушил на Лихачева каскад разнообразнейших ударов, и тот, не умея предвидеть замыслы противника, растерялся перед шквалом мячей, то подрезанных, то крученых, то летящих косо к боковой линии, то словно взлетающих на гребне мягкой волны.

Очень любил рваный ритм Озеров. Часто он начинал встречу в максимально быстром темпе. Случалось, что противник оказывался готовым к стремительным действиям и охотно принимал вызов. Убедившись, что быстрый темп выгоды не принес, Озеров переходил — временно! — на несколько замедленную игру, чтобы потом, в подходящий момент, снова вернуться к прежней тактике. Так он повторял иногда несколько раз, в конце концов сбивая противника с толку этим неожиданным переключением скоростей.

Намечая перед той или иной встречей тактический план, теннисист обязательно учитывает особенности стиля противника, его сильные и слабые стороны, качества его характера, одним словом, все то, что так или иначе, прямо или косвенно сказывается на его игре.

Правда, иногда можно услышать от какого-нибудь теннисиста, что ему важно не то, с кем он играет, а то, как он играет. Один английский теннисист так и заявлял: «Какое мне дело до того, что делает противник? Победу или поражение дает лишь то, что делаю я сам.»

На первый взгляд в таком утверждении есть известная логика. Но это только на первый взгляд. В действительности же все бывает иначе. Потому что все, что делает теннисист на корте, он делает не «сам», а во взаимодействии с противником, преодолевая его сопротивление, то есть в борьбе. А это значит, что какие бы гордые слова игрок ни произносил, его действия на корте полностью связаны с тем, что делает противник.

Рассказывают, что Эдуард Негребецкий в своей подготовке к состязаниям мало считался с особенностями игры своих соперников. Такая точка зрения основана на недоразумении. Негребецкий, конечно же, специально готовился к встречам со своими главными соперниками. Однажды именно из-за того, что Негребецкий задолго до состязаний «нацелился» на Озерова, судьба сыграла с ним злую шутку.

Готовясь к очередному чемпионату страны, который проходил в Тбилиси, Негребецкий специально вытенировал свои удары так, что мяч в большинстве случаев шел под левую руку противника. Объяснялось это тем, что у Озерова — основного соперника Негребецкого — удар слева был значительно слабее удара справа.

Но Негребецкому в этот раз так и не пришлось проверить свою идею на практике. Дело в том, что в четвертьфинале ему встретился Семен Фридлянд, теннисист, намного уступавший Негребецкому по классу игры, но на беду того обладавший очень хорошо поставленным ударом слева. Для Фридлянда нет ничего лучше, чем когда ему бьют под левую руку. Негребецкий, верный своему заранее составленному и отрепетированному плану, так и делал! С ужасом убедившись, что проигрывает, он пытался на ходу перестроить тактику, но оказалось, что это не так просто. В результате Негребецкий потерпел обидное поражение, став жертвой своего же замысла, а вернее — односторонней, рассчитанной на борьбу только с одним Озеровым подготовки.

Здесь мы познакомились со случаем, когда был припасен не очень удачный тактический сюрприз. Разумеется, такие трагикомические истории происходят не так уж часто. Обычно же заранее припасенная хитрость доставляет противнику немало хлопот. Не случайно большие мастера всегда специально готовятся к встречам между собой и обычно пускают в ход какой-нибудь неожиданный тактический ход.

Озеров и Белиц-Гейман встречались на корте много-много раз, и всегда их поединки проходили по-разному, были не похожи один на другой. Белиц-Гейман обычно старался экономить свои силы. Часто в ходе игры, выбегая к сетке, он затем неторопливо собирал мячи, медленно занимал исходную позицию.

Как-то раз в финале первенства Москвы Озеров удивил своего медлительного противника тем, что еще более флегматично шел к месту подачи, еще более вяло собирал мячи. Ожидавший привычной быстроты в действиях противника, Белиц-Гейман оказался выбитым из колеи, и победа далась Озерову намного легче, чем он ожидал.

Этот тактический ход так понравился Озерову, что он легкомысленно решил повторить его. Но с Белиц-Гейманом такое можно было сделать только один раз. Когда спустя две недели соперники встретились вновь, сюрприз ждал уже Озерова: Белиц-Гейман начал борьбу в ураганном темпе, причем не только очень энергично разыгрывал каждое очко, но и без малейшего промедления собирал мячи и возобновлял игру.

Эта яростная вспышка так ошеломила Озерова, что он, обычно такой напористый, полностью уступил инициативу противнику. Выиграв два сэта из трех, Белиц-Гейман в четвертой партии вел 3 : 1 и 40 : 15. Лишь ценой отчаянных усилий Озерову удалось вырвать победу в этой встрече.

Теннисисты по-настоящему высокого класса, в совершенстве владеющие разнообразными техническими приемами, всегда умеют строить игру на тонких тактических нюансах и играть каждый матч по-разному. О таких игроках говорят, что они обладают широким тех-

ническим и тактическим диапазоном. Наши сильнейшие мастера Лейус и Метревели принадлежат именно к этому типу теннисистов, в высокой степени обладающих, если так можно выразиться, искусством перевоплощения.

Помните, как в финальном матче розыгрыша Кубка Галеа Метревели проиграл Барклаю? Он потерпел поражение потому, что не сумел противостоять мощной темповой игре противника, не сумел выполнить правильный тактический план с использованием свеч, крученых ударов и всевозможных других технических приемов.

В марте 1964 года соперники встретились вновь — на этот раз на московских кортах в полуфинальном матче международного турнира. Теперь Метревели действовал совершенно по-иному. Он не мчался при первой возможности к сетке, а хладнокровно посылал высокий мяч под левую руку Барклая и выбегал к сетке лишь тогда, когда мяч полностью созревал для решающего удара. В сочетании с другими разнообразными приемами такая тактика оказалась очень неприятной для Барклая, и Метревели взял реванш за свое поражение во Франции.

Как же так, можете спросить вы, все время говорилось о том, что надо играть в активном, наступательном стиле, а вот Метревели победил с помощью иной тактики? На этот вопрос можно ответить так: самая правильная тактика та, которая позволяет выиграть. Ведь теннисисты полюбили современный наступательный стиль с частым использованием ударов с лёта не за красивые глаза, а только потому, что он лучше помогает добиваться победы. Со стороны Метревели было бы в высшей степени глупо проиграть Барклаю, так сказать, «за идею», слепо отстаивая принципы атакующей современной манеры. Поступать так, не считаясь с особенностями игры Барклая, значило бы проявить глупое упрямство.

Известно, что исключения только подтверждают правила. Игра Барклая, в высшей степени оригинальная и своеобразная (тем более, что он держит ракетку двумя руками), — исключение из общего правила, но не больше. Будучи самоучкой, Барклай не может вести активную игру ударами с лёта. Однако природная спортивная одаренность в сочетании с редким трудолюбием позволила ему искусно приспособиться к игре теннисистов агрессивного стиля и выработать против них противоядие. Совершенно ясно, что и играть против такого самобытного теннисиста надо не по шаблону, а непременно учитывая его сильные и слабые стороны, что Метревели и сделал...

Можно привести немало примеров, когда теннисисты, прославившиеся именно своей атакующей игрой, переходили, когда того требовала обстановка, к менее агрессивным, но более разумным, с тактической точки зрения, действиям. Ведь и на войне, когда лобовая атака не получается, применяют обходной маневр.

В одном из московских международных турниров выступили два французских теннисиста — Айе и Реми. В предшествующих играх Айе зарекомендовал себя игроком резко выраженного наступательного стиля, и зрители ожидали, что и в этой встрече он будет при первой возможности устремляться к сетке. Каково же было их изумление, когда они убедились, что Айе и не думает покидать заднюю линию!

Матч закончился внушительной победой Айе. Когда после игры Айе спросили, чем объяснить такую необычную для него тактику, он ответил:

— У Реми лучший во Франции обводящий удар. И я решил играть так, чтобы он не мог использовать свой козырь.

Логично и убедительно, не правда ли?

Великолепное искусство перевоплощения продемонстрировал в другом московском турнире мексиканец Рейес. Играя с австралийцем Джэйком, Рейес выглядел типичным игроком задней линии. Его игра казалась даже скучноватой, лишенной тактических блесков. Но вот он вышел на игру с чехословацким теннисистом Павлом Кордой, и перед трибунами предстал совсем другой Рейес, совершенно не похожий на вчерашнего.

Впрочем, долгое время Рейес находился в этой встрече на краю пропасти. Достаточно сказать, что в решающей партии счет был 4 : 1 в пользу Корды. В таких ситуациях спортсмены часто проявляют нервозность, мешающую им наиболее правильно тактически вести игру. Рейес же, несмотря на тревожность обстановки, бодр, собран, весь его вид говорит об уверенности в себе.

Хотя это и кажется очень рискованным, но Рейес, этот «игрок задней линии», начинает то и дело выбегать к сетке. Трудности оказались кремнем, который высекал из игры Рейеса искры вдохновенного мастерства. Корда же, словно боясь расплескать свое преимущество, играет мягче, осторожнее, старается добыть победу без риска.

Это типичная тактическая ошибка, и Рейес великолепно пользуется подвернувшимся шансом. Перехватив инициативу, он теперь властвует на корте. Его неожиданные быстрые удары, как бы без замаха, короткие, как удар хлыста, и часто очень рискованные, ставят Корду втупик.

Одним словом, Рейес выиграл пять геймов подряд. И, конечно же, он добился удачи прежде всего благодаря тому, что в решающий момент поединка применил рискованную тактику, чего Корда от него совершенно не ожидал.

Очень гибко маневрирует тактическими приемами хитроумный Лейус. Обладая разносторонней техникой, он подбирает из своей большой связки ключей именно тот, которым лучше всего вскрываются недостатки в игре соперника.

В одном из международных турниров в Москве Лейус встретился с американцем Фрэнксом, игроком резко агрессивным и смелым. Лейус в этом поединке играл так же остро и смело, как и его противник, только еще более собранно и цепко.

Наблюдая за этим матчем, итальянец Таккини, очередной противник Лейуса, сделал для себя вывод, что Лейус — типичный игрок мощного наступательного стиля, против которого может оказаться полезной иная игра — с обменом длинными и глубокими ударами. Только проиграв два сэта, итальянец с грустью убедился, что Лейуса такая тактика вполне устраивает. В третьем сете Таккини резко изменил игру и сумел добиться успеха.

Однако после перерыва Лейус показал, что и новая тактика противника не представляет для него неудобств. В острой темповой борьбе он полностью переиграл Таккини и одержал заслуженную победу. В этой встрече Лейус, по крайней мере в первой половине матча, совсем не походил на того Лейуса, который играл с Фрэнксом.

Выбирая к той или другой встрече наилучший тактический вариант, теннисист должен твердо верить в свой план. Такая вера не должна быть слепой, она должна быть основана на глубоком понимании характера борьбы именно с данным противником. История тенниса знает немало примеров, когда игрок, осуществляя правильный план, затем почему-либо отказывался от него и терпел поражение. Зато когда теннисист ставит перед собой тщательно продуманную тактическую цель и упорно добивается ее, его наверняка ждет успех, даже если сначала он и терпит урон.

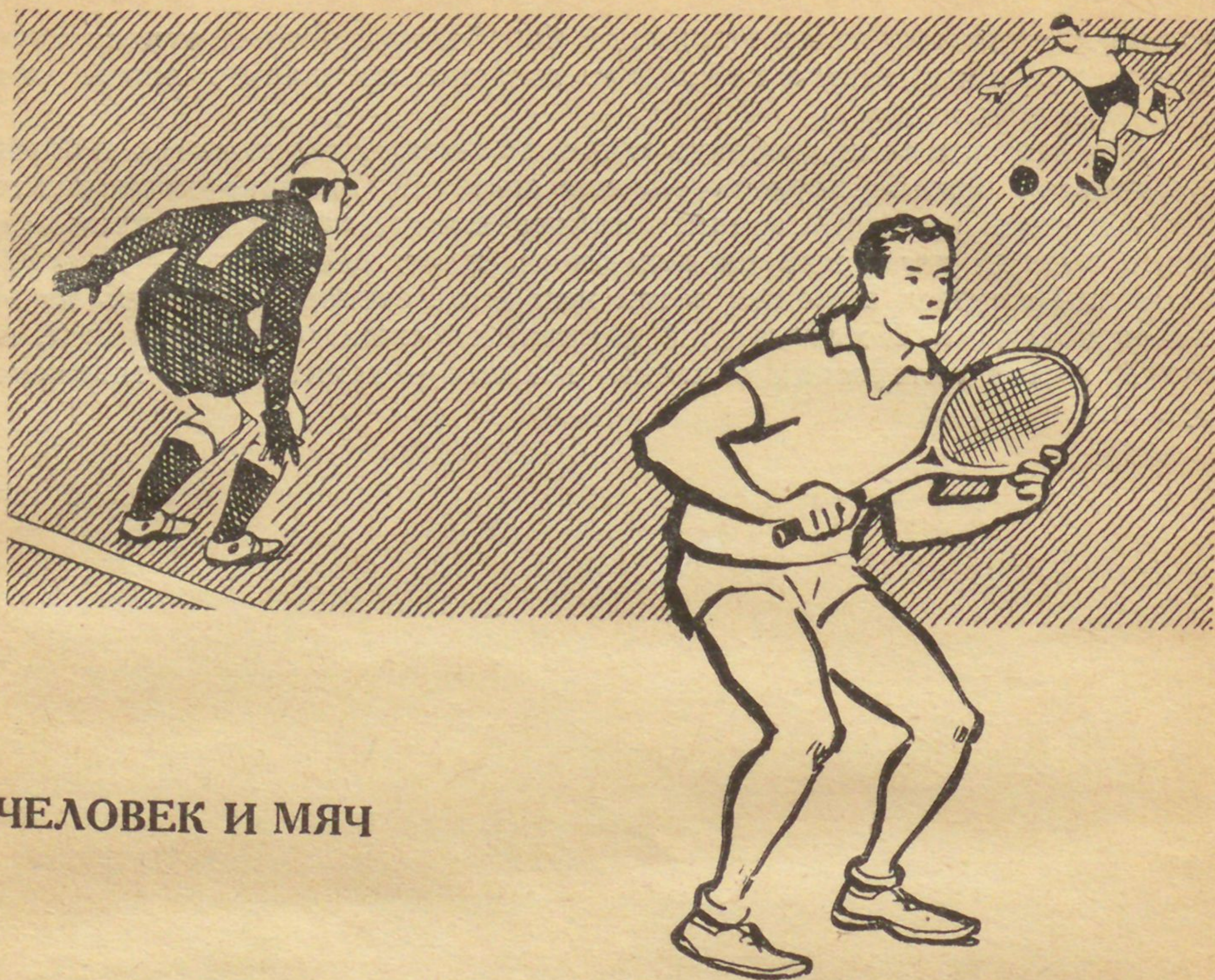
Умение анализировать ход состязания и в связи с этим изменять план ведения борьбы — первое и самое важное доказательство того, что теннисист обладает тактическим мышлением или, если говорить шире, игровой интеллектуальностью. Каким бы ни было тяжелым положение спортсмена в матче, но если он умеет мыслить на корте, он всегда найдет возможность осложнить противнику его задачу!

Итак, на корте надо прежде всего думать, размышлять над ходом игры, анализировать ошибки обеих сторон и делать на основании этого выводы. «Думайте! — настойчиво советует белый мяч теннисистам. Готовьте к спортивному бою не только свои мышцы, не только техническое мастерство, но и свой интеллект. И тогда я, как послушный джин, выполню любое ваше желание, буду устремляться туда, где ваш противник меня не ждет, буду опускаться у сетки, когда он приготовится встречать меня на задней линии, буду взлетать вверх, когда он побежит к сетке...»

— Я мыслю — значит я существую, — сказал некогда философ. Я мыслю — значит я побеждаю — такой вариант этого афоризма мог бы стать девизом теннисистов. Потому что «самое важное в теннисе —

это мысль», потому что в теннисной борьбе, при прочих относительно равных условиях, всегда побеждает тот, чьи интеллектуальные качества оказались выше.

В тактике, а если говорить шире, во всем, что относится к борьбе интеллектов, борьбе характеров, нет мелочей. Каждая незначительная, казалось бы, деталь тактического плана, каждый тактический нюанс, иногда даже манера поведения, жест, слово — все имеет определенный смысл и может в той или иной степени повлиять на характер поединка. Но здесь уже начинается самая сокровенная и, пожалуй, самая интересная область тенниса — психология теннисной борьбы.

ЧЕЛОВЕК И МЯЧ

Подходит к концу решающий сет матча между Ларисой Преображенской и Марией Куль в розыгрыше чемпионата страны 1962 года. Вместе с несколькими тренерами я стою на террасе рижского теннисного павильона «Динамо» и наблюдаю за тем, как белокурая, атлетически сложенная Куль жесткими, уверенными ударами кует победу.

Я знаю спортивную натуру Преображенской, знаю, сколько души, сколько страсти вкладывает она в каждый поединок, и мне жаль ее. Но в тот момент, когда счет геймов становится 5 : 2 и поражение Преображенской кажется неотвратимым, стоящий рядом Семен Белиц-Гейман вдруг произносит:

— Предлагаю пари, что Куль проиграет.

Эти слова явно рассчитаны на эффект. И они достигают своей цели. В самом деле, ну может ли случиться, что река вдруг повернет вспять!

Представьте себе, случилось... Начиная с восьмого гейма, который по логике событий должен был стать последним, молодая эстонка, словно испугавшись надвигавшейся победы, вдруг задрожала не только в переносном, но и в самом прямом смысле и совершенно добровольно уступила инициативу сопернице. Теперь Преображенской нужно было только перекинуть мяч через сетку — остальное Кулль как бы брала на себя. Бледная, с выражением трагической обреченности на лице, Кулль была воплощением растерянности. Словом, Преображенская победила.

Что же произошло? Почему Кулль, как пишут иногда в спортивных отчетах, стала вдруг неузнаваемой?

Неузнаваемой? Стоп! Но ведь в предыдущем чемпионате она точно так же проиграла Галине Бакшеевой. Тогда тоже счет был 5 : 2 в пользу Кулль, я стоял возле корта вместе с тем же Белиц-Гейманом, и он, как и в этот раз, безошибочно предсказал победу Бакшеевой.

И действительно, когда начался тот же восьмой гейм, который и здесь должен был стать последним, Кулль вдруг перешла сначала к пассивной, а потом и просто робкой игре. Мне казалось с трибуны, что я вижу, как дрожит ее рука, слышу, как взволнованно стучит сердце. Вмиг пропала резкость ударов, мяч от ее ракетки мягко и высоко взлетал над сеткой, становясь легкой добычей Бакшеевой.

С двумя геймами Кулль рассталась так легко и быстро, что вряд ли успела понять, как это произошло. Но в десятом гейме задрожала и Бакшеева — она поняла, что появилась надежда на спасение.

Теперь уже обе соперницы не скупятся на ошибки, и вот уже Кулль имеет возможность нанести последний удар и закончить матч, но совершенно легкий мяч она отбивает в сетку, тут же ошибается еще два раза, Бакшеева сравнивает счет — 5 : 5 и в конце концов добивается победы.

Что же это такое? Неужели у Кулль в ответственные моменты состязания появляется «боязнь выигрыша»? Да, именно так — есть, оказывается, и такая боязнь в спорте. И, значит, Кулль в матче с Преображенской стала как раз узнаваемой, а ее робкие действия в финале поединка лишний раз подтвердили, что существует какой-то определенный психологический барьер, преодолеть который она еще пока не в силах.

Боязнь выигрыша... Это что-то на первый взгляд странное, не очень понятное. Но здесь мы уже вступили в область психологии теннисной борьбы. А в психологии теннисного состязания, как и в психологии спортивной борьбы вообще, нет ничего ясного на первый, приблизительный, взгляд и нет ничего неясного и необъяснимого в действительности, по зрелом размышлении. Стоит вдуматься в любую

психологическую теннисную загадку, и выяснится, что ничего странного и непонятного в действиях спортсменов нет и каждый их шаг имеет обоснованное и логичное объяснение.

Есть в шахматах такой закон: получил преимущество — атакуй, иначе инициатива неизбежно перейдет к противнику. Закон этот полностью применим и к теннису, а может быть, к спортивной борьбе вообще. Но одно дело — знать этот закон, а другое — заставить себя подчиняться ему.

Почему Кулль проиграла два матча, в которых, по логике событий, должна была заслуженно победить? Потому что, добившись подавляющего преимущества, она уже мысленно считала себя победительницей и, вместо того чтобы атаковать, чтобы смелой и энергичной игрой продолжать борьбу за выигрыш, она уже думала только о том, чтобы не упустить выигрыша.

Вдумайтесь в это — не упустить. А ведь выигрыша-то еще не было! И вот Кулль старается избегать риска, хочет обеспечить себе успех наверняка, без волнений, а соперница, которой нечего терять, напротив, начинает действовать смело, остро. И когда сталкиваются два таких подхода к игре: один робкий, пассивный и другой смелый, рискованный, нетрудно угадать, на чью сторону склоняется удача.

Не думайте, что это очень просто — заставить себя не ослаблять усилий в момент, когда победа близка. Можно владеть прекрасной техникой, можно быть настоящим атлетом, обладать острым тактическим мышлением, но если у вас не закалена, не натренирована воля, если вы не умеете держать в крепкой узде свои нервы, — уже почти добытая героическими усилиями победа будет часто ускользать от вас.

Состязанию на корте тесно в рамках только спортивной борьбы. В каждом маневре, в каждом тактическом ходе, иногда даже в отдельном ударе так или иначе явственно сказывается характер спортсмена, его пристрастия, привычки. Это обогащает соревнование, наполняет его глубоким смыслом. В свою очередь, характер мужает в борьбе, вырабатывает иммунитет к неудачам, позволяет сохранять боевое настроение в момент, когда создается впечатление, точнее — иллюзия того, что сражение уже выиграно.

Как и всякий другой спортсмен, теннисист борется на корте не только со своим соперником, но и с самим собой, со своими колебаниями, сомнениями, нерешительностью. Терзаясь ошибками, он подчас мысленно произносит страстные монологи, убеждает себя быть смелее, не реагировать на реплики зрителей, не падать духом при неудачах. В теннисе, с его психологической насыщенностью, эта вторая, не видимая зрителю, борьба часто бывает ожесточенной и драматичной и оказывает решающее влияние на ход поединка.

Впрочем, так ли уж она скрыта от глаз зрителя, эта борьба теннисиста с самим собой? Мне, например, пришлось быть свидетелем матчей, в которых тончайшие переживания спортсмена, оказавшегося в состоянии внутреннего оцепенения и старавшегося стряхнуть с себя «колдовские чары», были так откровенно обнажены, что, казалось, вы читаете в его душе.

Я никогда не забуду, например, поединков Рудольфа Сивохина в полуфинале и финале чемпионата страны 1961 года. Оба этих матча при всей своей непохожести в одном были неразличимы как две капли воды — и в той, и в другой встрече Сивохин сражался не только с Лейусом и Мирзой, но и с третьим, самым стойким и упрямым, соперником — Сивохиным.

В полуфинале Сивохин, выиграв у Лейуса два сэта, вел в третьем 5:2 и 40:0. Вы, конечно, понимаете, что положение Лейуса было почти безнадежным. Но, как ни удивительно, начиная с этого момента, Сивохин, до этого властно державший в узде свою волю, вдруг совершенно расслабился, и стал почти автоматически делать одну ошибку за другой. Лейус спас безнадежный восьмой гейм, выиграл еще один, потом другой и сравнял счет — 5:5!

Готовый уже торжествовать победу, Сивохин оказался перед угрозой поражения в этом сете, а может быть, и в матче вообще. Бледный и нахмуренный, он старался ничем не выдать своего состояния, но, наверное, каждый из очевидцев этой драмы понимал, что с ним происходит, понимал, что дело не столько в Лейусе, сколько в нем самом, Сивохине.

И вдруг оцепенение Сивохина прошло! И снова все это сразу поняли — по его просветлевшему лицу, по той уверенности, которая снова почувствовалась в его ударах, движениях, жестах. Сивохин победил себя и теперь взялся за Лейуса! Он выиграл подряд два гейма, а с ними сет и матч.

Еще более разительно влияла внутренняя борьба на игру Сивохина в финале чемпионата. И в матче против Мирзы Сивохин выиграл два сета, и имел большое преимущество в третьей партии — 4:1. Казалось, матч утратил спортивный интерес — вот сейчас Сивохин доберет недостающие два гейма и станет чемпионом. Но у него опять начинается «вибрация», опять он во власти неуверенности в себе и явно, зримо ослабляет игру.

Мирза первым почувал, что сжимающие его когти разжались! Надо сказать, что этот теннисист обладает не часто встречающимся умением в ответственный момент усиливать и обострять игру. Он начинает играть рискованнее, чаще выходит к сетке, всячески стараясь продлить у Сивохина его психологическую скованность. Смелая игра у сетки сама по себе угнетающе действует на противника, а когда им

вдобавок овладевает приступ нерешительности, игра с лёта становится особенно эффективной.

Одним словом, Сивохин проигрывает пять геймов подряд и безропотно отдает сэт. Но на этом его беды не кончились. Не в силах преодолеть оцепенение, он и в следующем сэте играет удивительно плохо, ошибается даже при выполнении своих излюбленных ударов. Раскидав почти все мячи в аут, он терпит сокрушительное поражение — 1 : 6!

И только в пятом, последнем, сэте Сивохин, наконец, очнулся и преодолел свою нерешительность. Снова на глазах у зрителей его игра резко изменилась, он опять стал самим собой и добился победы, невероятно трудной, но оттого лишь еще более желанной — 6 : 2...

Тот, кто внимательно наблюдает за поведением теннисистов на корте, может увидеть иногда любопытные вещи. Он может увидеть, как Вера Филиппова громко критикует себя за ошибки; как Мария Куль, проиграв очко, сердито грозит мячу пальцем; как Тоомас Лейус возгласами подстегивает, «заводит» себя; как мужественный, с каменным лицом Рудольф Сивохин хватается за голову; как Андрей Потанин издаёт вдруг рычащие звуки; как...

впрочем, можно продолжать очень долго.

Что же, теннисисты — разболтанные люди, не желающие держать себя в руках? Конечно, нет. Причина — в самом теннисе, который взваливает на плечи спортсмена огромную психологическую нагрузку.

Теннисист на корте одинок — человек и мяч, больше никого. С тренером либо вовсе нельзя советоваться, либо это разрешается только в короткие паузы при смене сторон. Даже с противником нет непосредственного контакта. Здесь нельзя, как, скажем, в шахматах, погулять, собраться с мыслями, пока соперник обдумывает ход. Нельзя, как в футболе, отказаться от удара по воротам и возложить эту рискованную миссию на другого. Нельзя, как в баскетболе, отдать

мяч партнеру и получить несколько секунд передышки. Наконец теннисиста нельзя разумеется, и заменить — блаженство отдыха на скамье запасных ему неведомо.

Нет, теннисист все время в острейшем цейтноте, мяч не отпускает его ни на секунду, он неизменно перед ним, неизменно требует ответа — назойливый, неотвратимый, безжалостный — справа, слева, высоко над кортом, низко над сеткой, стремительно летящий то в один угол, то в другой, крученный, подрезанный, почти всегда выбирающий незащищенное место, иногда словно издевающийся над нерасторопностью игрока, беспощадно подмечающий и злорадно подчеркивающий его оплошности. И так в продолжение двух, а иногда трех и даже четырех часов.

И в случае неудачи не на кого ведь обижаться, только на самого себя! Это ты сам ошибся, ты неточно подрезал, не убил высокий мяч, у тебя чуть дрогнула рука. И даже если противник сумел нанести неотразимый удар, все равно виноват ты, только ты: не надо было давать ему такой удобной возможности.

Утверждают, что на корте радость скрыть легко, равнодушие — трудно, досаду — невозможно. Ну, скажем так: почти невозможно. Так можно ли требовать, чтобы на протяжении нескольких часов матча теннисист был невозмутим, даже если в нем накапливается и глухо рокошет, ища выхода, недовольство собой, досада, раздражение?

Можно и даже нужно! Да, есть, конечно, известное противоречие в том, что зритель позволяет себе вслух радоваться и огорчаться, а спортсмену отказано в праве выражать естественные человеческие эмоции. Но ведь на то он и зритель, ведь, придя на соревнование, он обычно не ставит перед собой иной цели, кроме одной — насладиться увлекательным спортивным зрелищем.

Иное дело — непосредственный участник борьбы. Выходя на корт, спортсмен тем самым принимает обет достойно держать себя, как бы трудно ему ни приходилось. Вот почему теннисист, нравится ему это или нет, вынужден тратить огромную психическую энергию не только на борьбу с противником, но и на борьбу с собой, со своими нервами.

Но есть и другая, отнюдь не менее важная, причина, вынуждающая теннисиста подчинять эмоции трезвому рассудку. Теннис высокого класса — это всегда поединок интеллектов, дуэль мыслей. Теннисист должен действовать на корте пусть и страстно, но непременно расчетливо (какой бы неприятный оттенок ни имело это слово). Ему надо не «отбиваться» от мяча, а распоряжаться им, и распоряжения эти должны быть умны, точны и продуманны. Именно продуманны, даже если на размышление даются доли секунды.

Стоит спортсмену забыть об этом, стоит позволить чувству взять

верх над рассудком, как игра его неминуемо становится хаотичной, судорожной, удары теряют осмысленность.

В матче с Андреем Потаниным в чемпионате страны 1962 года Рудольф Сивохин, загубив легкий мяч, яростно замахивается ракеткой, но... рука медленно опускается. Сивохин еще не ослабил контроля над собой, он понимает: нельзя показывать Потанину, что ты дал волю нервам, наоборот — пусть думает, что ты полностью владеешь собой. Через полчаса Сивохин в аналогичной ситуации уже не выдерживает и, проиграв очко, изо всей силы лупит по ни в чем не повинному мячу. Это уже психологическая капитуляция, и действительно Сивохину в остальной части матча не хватает собранности, упорства.

А вот другой, еще более яркий, пример. В финале теннисного турнира III Спартакиады народов СССР встретились два великолепных молодых мастера — Тоомас Лейус и Александр Метревели. Их состязание, особенно в первом сэте, было прекрасным. Знатоки говорили, что такого красивого, тонкого, умного тенниса на наших состязаниях они еще не видели. Но так они говорили в начале поединка. А конец был, к сожалению, несколько иным.

В начале партии на корте господствует Метревели. Он играет непринужденно, изящно, у него отличное «чувство мяча», он хорошо видит площадку, легко и быстро передвигается. Техническое мастерство позволяет ему держать под прицелом не только дальние, но и ближние углы площадки, которые для многих теннисистов остаются обычно вне пределов досягаемости.

Счет 1 : 4 достаточно ясно говорит о положении Лейуса. Но внешне этот стойкий боец непроницаем, даже загадочен. Чувствуется, что перед игрой он надел на себя непробиваемую психологическую кольчугу. Ни одна ошибка, даже самая обидная, самая огорчительная, не вызывает на его лице и тени досады. И при удаче, когда зрители горячо аплодируют его удару, он также бесстрастен и невозмутим.

Все это стоит больших усилий, стоит траты нервной энергии. Но зато самообладание, внешняя бесстрастность Лейуса позволяют ему в паузах между розыгрышем очка не тратить времени попусту, а трезво анализировать характер сражения.

А Метревели? Даже выигрывая, он сопровождал каждое происшествие в матче восклицаниями и жестами. Допустив оплошность, 19-летний теннисист раздраженно оглядывался по сторонам, словно выискивая виновника своей неудачи, хватался за голову, вступал в пререкания с судьями. В паузах Метревели не намечал дальнейшего плана игры, а, давая волю чувствам, мучительно переживал свои неудачи. А когда игра стала постепенно выравниваться и Лейус начал наверстывать упущенное, Метревели полностью подпал под власть эмоций.

Первый сет закончился со счетом 8 : 6 в пользу Лейуса. Во втором сете можно было не смотреть на табло, а, наблюдая только за Метревели, застенографировать весь ход состязания — так красноречивы и выразительны были его жесты. Результат — 6 : 2, выиграл Лейус.

В третьей партии Метревели удалось взять себя в руки и добиться успеха — 6 : 4, но в четвертой Лейус снова доказывает свое бесспорное превосходство — 6 : 2.

Можно ли сказать, что перевес Лейуса в силах соответствует этому счету? Вряд ли. В отдельные периоды матча Метревели играл просто великолепно, блистая виртуозной техникой, тонкой тактикой, безукоризненной реакцией, резкостью, гибкостью. Но в одном Метревели безусловно уступал Лейусу, за что и понес наказание, — в психологической подготовленности к трудностям единоборства.

Отнюдь не случайно, что теннисисты экстра-класса обладают прекрасным самообладанием и умеют тщательно скрывать от противника свои чувства. Мне не приходилось наблюдать финальные матчи Уимблдонского турнира, но очевидцы рассказывают, что участники этих матчей демонстрируют не только блестящую игру, но и виртуозное самообладание. Именно виртуозное, потому что умение владеть собой достигается, наверное, таким же упорным трудом, как и умение выполнять сложнейшие удары.

Некоторые теннисисты стараются не только скрыть свое истинное состояние, но по возможности и внушить сопернику ложные представления. Выступавший в Москве чилиец Родригес после каждого удара расслабляется, не только позволяя отдохнуть мышцам, но и явно стараясь произвести впечатление уставшего человека, у которого не клеится игра. И, надо сказать, ему это часто удавалось.

Очень тонко в психологическом смысле действовал и австриец Хубер. Играя в московском турнире с индийцем Кумаром, он всячески старался дезориентировать противника. Выиграв первую партию и проиграв вторую, Хубер выкладывает все силы в третьей и побеждает со счетом 6 : 0.

В четвертой партии Кумар собирается вести яростную борьбу, но неожиданно для себя получает подарок: Хубер, если говорить серьезно, не борется, играет легкомысленно и отдает сет с тем же сухим счетом. У Кумара создается впечатление, что игра у Хубера совершенно разладилась и его можно будет взять голыми руками.

Но Хубер как раз к этому и стремился. В решающей партии Хубер снова яростно борется за каждое очко, и окончательно сбитый с толку Кумар терпит поражение — 1 : 6...

Именно в связи с этим матчем тренер Евгений Корбут заметил по поводу Хубера:

— Это один из самых хитрых теннисистов, каких мне приходилось когда-либо встречать.

Во всем, что относится к психологической борьбе, как и в тактике, нет мелочей—каждая деталь, даже самая незначительная, может сыграть свою роль, иногда крайне важную, даже решительно влияющую на исход поединка. Почти в каждом матче, если внимательно его смотреть, можно разглядеть скрытые психологические мотивы, определяющие действия спортсменов.

Вот, например, какая тонкость повлияла на исход парной встречи Андреева и Озерова с Колобовым и Чугуновым в чемпионате страны 1961 года. Андреев и Озеров намного опытнее и мудрее своих соперников, но те зато намного моложе. Именно эти обстоятельства и определили характер сражения. Выиграв первые два сэта, Андреев и Озеров терпят поражение в третьем, а потом и в четвертом.

Казалось, что теперь вопрос о победителях можно считать решенным: столь долгую изнурительную борьбу, да еще в быстром темпе, ветераны вряд ли смогут выдержать. И, действительно, оба они отдали игре все, что у них было, и выглядели усталыми, чтобы не сказать измученными. Но вот тут-то еще раз подтвердилось, что главное в теннисе — это мысль. Андреев и Озеров, разгадывая намерения соперников, искусно выбирают место, умело взаимодействуют, играют тонко и разнообразно, часто выигрывая очки тихими или укороченными ударами, застигающими противников врасплох.

И все же неумолимость молодых спортсменов, всячески убыстряющих игру, берет свое. Положение Андреева и Озерова долгое время остается угрожающим — 4 : 5, 5 : 6, 6 : 7.

Трудно сказать, удалось ли бы ветеранам устоять в этой тяжелой схватке, если бы в игру не вмешалась «мелочь». В четырнадцатом гейме на корте разыгралась молчаливая психологическая дуэль. Решив вывести упрямых противников из равновесия, Чугунов при подаче Озерова каждый раз оказывался «не готов» к приему мяча.

Казалось бы, маленький эпизод, вряд ли стоящий внимания. Но Озеров не из тех, с кем можно проделывать подобные трюки. Моментально разгадав эту уловку, он решил нанести ответный удар тем же оружием. Подчеркивая всем своим видом, что он отлично понял замысел Чугунова, Озеров сам стал нарочито медленно готовиться к подаче, испытывая терпение молодых и горячих соперников. Кончилось это тем, что именно Чугунов начал нервничать и допустил несколько грубейших ошибок.

А вот другой случай, когда два теннисиста тоже пали жертвой совсем, на первый взгляд, малюсенького психологического эксперимента. Произошло это тоже в парной встрече — в финале чемпионата страны 1962 года.

Тоомас Лейус и Сергей Лихачев представляют собой очень сильную парную комбинацию. По своим игровым качествам они удивительно удачно дополняют один другого. Лейус — очень разносторонний теннисист, которому, правда, недостает мощи. Зато он хитрый тактик, всегда умеющий нащупать слабое место в обороне противников. У Лихачева наименее сильная сторона — это как раз тактическое мышление. Но его игре присущи мощь и быстрый темп.

Незадолго до чемпионата страны Лейус и Лихачев выступили на международном турнире в Англии, где одержали сенсационную победу над австралийцами Ньюкомбом и Флетчером. Что это значит, вы поймете, если узнаете, что Ньюкомб и Флетчер были полуфиналистами Уимблдонского турнира 1961 года. Не случайно известный австралийский тренер Чейз назвал успех Лейуса и Лихачева «первой великой победой русских».

Словом, нетрудно понять, что в Риге, где проходил чемпионат, мало кто сомневался в удаче молодых теннисистов. И действительно они без труда пробились к финалу, да и в последнем матче все шло к тому, что Лейус и Лихачев станут чемпионами в парном разряде.

Встретившись с Михаилом Мозером и Рудольфом Сивохиным, героями английского турнира выиграли две партии — 6 : 4, 6 : 0 и вели в третьей — 5 : 4, причем имели так называемый матч-бол, то есть до победы их отделяло всего одно очко.

Это бы еще полбеда, но по всей игре и даже по внешнему виду Мозера и Сивохина было видно, что они находились в том состоянии, когда дальнейшая борьба кажется уже ненужной. Короче говоря, надо было, не мудрствуя лукаво, выигрывать это последнее очко. Но тут вдруг Лихачев решил, что сейчас самый удобный момент для совещания. И вот перед розыгрышем очка, которое, по логике событий, должно было оказаться последним, Лихачев подошел к Лейусу и стал с ним о чем-то шептаться.

Честно сказать, это был не очень удачный психологический ход. Такая пауза была бы уместна для тех, кто проигрывал. И случилось то, на что вовсе не рассчитывал Лихачев, но что в результате его затей неминуемо должно было произойти: смирившиеся с поражением Мозер и Сивохин тут вдруг почувствовали прилив спортивной злости! С иронической улыбкой Сивохин подходит к Мозеру, и они делают вид, будто тоже о чем-то совещаются.

Вышло так что, когда игра возобновилась, перед Лейусом и Лихачевым стояли уже не совсем те противники, что были до сих пор. Мозер и Сивохин отыграли очко, потом выиграли гейм, затем еще два гейма подряд, а с ними и сэт.

Костер, который вот-вот должен был погаснуть, вдруг вспыхнул с новой силой. Воодушевленные нечаянным выигрышем совсем уже

было безнадежного сэта, Мозер и Сивохин сумели добиться удачи и в следующей партии. В последнем сете Лейус и Лихачев были сначала впереди — 4:2, но психологически они были уже настолько подавлены, что упустили инициативу и потерпели поражение. Очень обидное поражение, ничего не скажешь, но обижаться Лейусу и Лихачеву можно было только на самих себя...

Казалось бы, что может значить привычка некоторых теннисистов перед подачей ударить раз-другой мячом о землю? Оказывается, и в этом есть свой смысл. подача — очень ответственный удар. Перед ним нужно передохнуть, сосредоточиться, соответственным образом настроить себя.

Молодые теннисисты порой не понимают всей важности такой психологической передышки. Подавая, они часто спешат, суетятся, бегут к исходному месту и без промедления вводят мяч в игру. В результате — преждевременное утомление, притупление тактического мышления. Бегун старается во время бега расслаблять мышцы ног, давать им отдых. Как же важно для теннисиста давать отдых «мышцам мозга»!

Итак, теннис — глубоко психологический вид спорта, в котором важнейшую роль играет интеллектуальность спортсмена, его умение мыслить на корте, распознавать и использовать скрытые психологические мотивы борьбы. Именно психология превращает единоборство на корте в столкновение интеллектов, характеров, страстей, именно психология делает теннисное состязание таким азартным и в то же время умным, полным затаенных мыслей, часто «высказанных», а иногда так и остающихся за кулисами борьбы.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Ну вот вы и познакомились с ракеткой. Не правда ли, какое это занятное, умное, тонкое, своеобразное, а иногда и упрямое, даже капризное существо? Кто бы мог подумать — всего-навсего деревянный обод с натянутыми струнами, а какой сложный, порой прямо-таки загадочный характер...

Но я вас удивлю: вы знаете о ракетке еще далеко не все! Чем больше вы будете узнавать ее — уже не из книжки, а просто взяв ее в руки, — тем больше новых и неожиданных качеств вы будете в ней открывать.

Вы узнаете, например, что ракетка очень справедлива и не делает, как, скажем, баскетбольный мяч, различия между людьми высокого и низкого роста или, как штанга, между спортсменами богатырского и обычного сложения. Каждый, кто добросовестно тренируется, кто относится к ракетке с тем вниманием, которого она заслуживает, вправе рассчитывать на взаимность.

Один из сильнейших теннисистов мира австралиец Род Лейвер, обладающий поразительно мощным ударом слева, абсолютно не отличается какими-то особыми физическими данными. Единственное, что у него необычно, — это трудолюбие. «У меня не хватает времени на тренировку!» — жалуется он. И не удивительно, что ракетка благоволит к этому замечательному спортсмену.

Вы узнаете, что ракетка при всей своей справедливости отдает предпочтение тем, кто умеет проигрывать спокойно и даже весело, кто не «работает» на корте, а играет, играет в самом непосредственном смысле этого слова, получая от игры удовольствие. В одном из московских турниров выступал чемпион Финляндии Ньюсонен. Он не произвел большого впечатления классом своей игры, но тем не менее завоевал у зрителей популярность своей доброжелательной, удивительно симпатичной манерой игры.

Вы узнаете, наконец, что ракетка равнодушна к благородству на корте. Бывает так, что теннисист потерпел поражение, но его игра именно в этом матче запоминается зрителями на долгие годы. В финальном матче чемпионата страны между Евгением Кудрявцевым и Эдуардом Негребецким судья ошибочно засчитал очко в пользу Кудрявцева. Хотя положение Кудрявцева было критическим, он не задумываясь вернул это очко противнику. Кудрявцев проиграл эту встречу и не стал чемпионом страны. Но поединок, в котором Кудрявцев вел себя так великодушно, как видите, не забыт.

Следуя этому примеру, помните, однако, о чувстве достоинства судьи. Не следует уподобляться людям, которые, уступая место в троллейбусе, стараются, чтобы остальные пассажиры непременно увидели это. Совет знакомого вам Лакоста не устарел до сих пор: «Если вы находите нужным исправить ошибку судьи и подарить очко противнику, делайте это не очень явно. Каждый может сам исправить ошибку судьи, согласно своей совести, но недопустимо дискредитировать его перед всеми, чтобы заслужить аплодисменты публики»...

Познакомившись с ракеткой, вы будете узнавать в ней много других необычайно привлекательных качеств. И, поверьте, ракетка никогда не перестанет удивлять вас, открывая в себе новые, еще не увиденные вами, черты. Короче говоря, вы на всю жизнь приобретаете преданного, умного и интересного друга, с которым вам никогда не будет скучно. А что может быть лучше такого друга?..

25-1

Цена 14 коп.

21836

ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ 1965

